
ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1958
1917

Москва. Праздничный вечер. Фото Б. Вдовенко.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЯВЬ

Василий ЖУРАВЛЕВ

Разлив степей и гор вершины —
родной земли краса и стать!..
Мне
в день Октябрьской годовщины
так много хочется сказать!

Когда наш труд все полновесней,
когда во всем
идем вперед,
то как не возвеличить песней
все,
чем так славен мой народ!

Не умолчать о том,
что правы
мы, как всегда!..
Иль, например,
как не восславить
Спутник Славы,
рожденный здесь, в СССР!..

А жизнь кипит в цвету и силе,
полна свершений и чудес.
И ныне, может, пол-России
сверкает
в солнцах Волжской ГЭС.

А жизнь идет чеканным строем,
и каждый шаг ее звенит.
И перекличка новостроек
меня пленит, меня пьянит.

Вздымая в вышину стропила,
целинный прославляя край,
земля опять нам подарила
необозримый урожай.

Не потому ль клокочет слава,
нам отдавая дань сполна?!.
Сильна народная держава!
И власть Советская сильна!

Повсюду сердцем отвечая
на слово Партии родной,
мы, Двадцать Первый Съезд
встречая
народом всем
и всей страной,
чтоб воплотить в дела
желанья,
знамена гордые подняв,
творим в своем соревнованье
коммунистическую явь.

На первой странице обложки: Рисунок Г. Шубиной и Д. Дмитриева.

На последней странице обложки: Кузнецкий металлургический комбинат. Резка горячих балок.
Фото С. Раскина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 45 (1638)

2 НОЯБРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КЛЯТВА МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА

В минувшее воскресенье столица нашей Родины Москва была свидетельницей знаменательного события: на Красной площади состоялся митинг молодежи, посвященный сорокалетию Ленинского комсомола.

Из ближних и дальних районов, от застав с песнями шла жизнерадостная молодежь на историческую площадь, чтобы заявить о своей непреклонной решимости всегда быть верной великому делу Коммунистической партии.

Сюда, на припорошенную первым снегом площадь, пришли и те, кто вступал в комсомол 30—40 лет назад, кто прошел суровую и славную школу жизни.

12 часов дня. Горячими аплодисментами приветствуют собравшиеся появление на трибуне Мавзолея товарищей К. Е. Ворошилова, А. И. Кириченко, Н. С. Хрущева и Д. С. Коротченко.

Митинг открывает первый секретарь МГК ВЛКСМ А. А. Сосин. Выступают молодой рабочий завода «Красный пролетарий» сверловщик Н. Чернов, студентка Московского высшего технического училища имени Баумана М. Пашенцева, старший сержант Гвардейской Кантемировской дивизии А. Максаков, первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. Е. Семичастный, первый секретарь МГК КПСС В. И. Устинов.

Комсомольцы и молодежь Москвы с огромным воодушевлением приняли Обращение к Центральному Комитету КПСС, в котором говорится:

«Перед лицом героического рабочего класса, колхозного крестьянства, трудовой интеллигенции, воинов Советской Армии, всего советского народа клянемся — все силы своей молодости, наши мечты и чаяния, наши разум и волю, всю свою жизнь посвятить делу партии — борьбе за построение коммунизма».

На снимке: митинг на Красной площади в Москве, посвященный 40-летию Ленинского комсомола.

Фото А. Новикова.

Делегация Польской Народной Республики нанесла в Кремле визит Первому секретарю Центрального Комитета КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву и Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову

Фото Дм. Бальтерманца.

БРАТСКАЯ ДРУЖБА

Делегация Польской Народной Республики в СССР

Встреча в Кремле руководителей Польской Народной Республики с руководителями КПСС и правительства СССР 27 октября 1958 года.

Фото Н. Петрова.

Взаимные визиты руководителей стран социалистического лагеря стали прекрасной традицией, показывающей несокрушимое единство и сплоченность народов этих стран в борьбе за мир, демократию, социализм.

25 октября в столицу Советского Союза прибыла делегация Польской Народной Республики. Москва тепло встретила дорогих гостей. Тысячи москвичей сердечно приветствовали посланцев братского народа Польши — председателя делегации, Первого секретаря Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии Владислава Гомулку, члена Политбюро ЦК ПОРП, председателя Государственного совета ПНР Александра Завадского, члена Политбюро ЦК ПОРП, Председателя Совета Министров ПНР Юзефа Циранкевича и всех других членов делегации, видных деятелей Польской Народной Республики. «Да здравствует вечная и нерушимая дружба польского и советского народов!» — вещали алые полотнища, протянувшиеся во всю ширину московских улиц.

В день приезда делегация Польской Народной Республики нанесла визит в Кремле Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву и Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову. Дружественная, сердечная беседа состоялась во время визита.

На обеде в Кремле в честь польских гостей тов. Н. С. Хрущев сказал в своей речи: «Братская дружба, нерушимое единство — вот главное, что характеризует взаимоотношения народов Польши и Советского Союза, народов всех социалистических стран. Сама природа общественного строя наших стран побуждает свободные народы к взаимной помощи и поддержке».

В ответной речи тов. В. Гомулка заявил: «Нас объединяет и еще теснее сплачивает общность целей и стремлений — в настоящем и

Польские гости на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

в будущем. Мы вместе ведем борьбу за дальнейшее победоносное развитие социалистического строительства в наших странах и за упрочение мира во всем мире».

Знакомство с достижениями Советской страны гости начали с осмотра Всесоюзных промышленной и сельскохозяйственной выставок. Здесь, как и позднее, при посещении московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова, польские гости высказывали мысли, пронизывающие все их беседы и встречи в Советском Союзе: крепкая дружба социалистических стран — залог мира во всем мире; огромные успехи, достигнутые Советским Союзом, народной Польшей и всеми странами социалистического лагеря,— неопровержимое доказательство исторического превосходства социалистической системы над капитализмом.

Польские гости присутствовали в Большом театре Союза ССР на заключительном концерте декады киргизского искусства и литературы, ярко продемонстрировавшей вклад киргизского народа в сокровищницу советской многонациональной культуры.

27 октября в Кремле состоялась встреча руководителей Польской Народной Республики с руководителями КПСС и правительства СССР, проходившая в обстановке братского единодушия и полного взаимопонимания.

Делегация Польской Народной Республики отбыла из Москвы в поездку по Советскому Союзу.

Посещение московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова.

На Волге, под Сталинградом

Этот снимок сделан на строительной площадке Сталинградской ГЭС в самый канун перекрытия Волги.

Вы видите бетонные пирамиды, которые в момент перекрытия обычно сбрасывают с наплавного моста, чтобы с хода «остановить» реку.

А взнуздать Волгу, да еще в районе Сталинграда,— дело чрезвычайной трудности. Ведь еще выше по течению, близ Куйбышева, гидростроителям пришлось потратить немало усилий, чтобы укротить реку. А тут, у Сталинграда, Волга еще более стремительна и проносит воды в полтора раза больше, чем у Куйбышева.

Скоро к строю могучих силачей — гигантских электростанций, которые высятся вдоль всей Волги, от верхнего ее течения до нижнего, примкнет еще один богатырь — Сталинградская гидростанция, которая, как и все ее «соратники», будет работать на коммунизм.

Фото А. Гостева.

МИР, ЗЕМЛЯ

Валентин **КАТАЕВ**

...Долго ходил Родион Жуков по всему Смольному, разыскивая Ленина.

Два дня назад совершилась Октябрьская революция, вчера было образовано Временное рабочее и крестьянское правительство, и теперь Смольный, все еще продолжая оставаться боевым штабом восстания, начал мало-помалу приобретать черты правительственного центра с его уже не военной, а гражданской суетой, щелканьем пишущих машинок, звонками и даже кое-где курьерами, которые разносили бумаги и чай, впрочем, не в стаканах, а в жестяных кружках, накрытых ломтем черного солдатского хлеба.

По совету Павловской, Родион Жуков сначала заглянул в комнату, где временно, на казарменном положении, разместились Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, но никого не застал, а только заметил на подоконнике черную шляпку Крупской с воткнутой в нее длинной булавкой, а на стене — демисезонное пальто Ленина с потертой бархоткой на воротнике.

Эти шляпку и пальто Жуков видел еще до войны, в местечке Лонжюмо под Парижем, где слушал лекции Ленина в партийной школе, и теперь, при взгляде на эти милые, постаревшие вещи, почему-то вдруг с особенной остротой почувствовал все значение того, что происходит сейчас в России.

На лестницах, в коридорах, в дортуарах, превращенных в караульные помещения и канцелярии, — всюду толпилось множество народа: ходоков из деревни, армейских делегатов, вооруженных рабочих, матросов, среди которых Родион Жуков нередко узнавал товарищей, известных ему еще по эмиграции.

В одном из коридоров на подоконнике сутуло сидел Максим Горький, с головой, коротко остриженной под машинку. Поигрывая на коленях своей черной широкополой шляпой и слегка насупившись, он слушал Луначарского, который, топорща большими пальцами жилет, развивал перед ним план реорганизации народного образования в России.

Он вдруг остановился на полуслове и стал близоруко всматриваться в Жукова сквозь старомодное пенсне в резко черной оправе, криво сидящее на его крупном носу.

— Алексей Максимович, а ведь это Жуков! — воскликнул Луначарский.

— Он самый! — подтвердил Горький веселым баском.— Пропащая душа! Когда мы с вами последний раз виделись? Дай бог памяти, на Капри, в одиннадцатом, что-то в этом роде, не правда ли?

— На вокзале в Неаполе, — уточнил Жуков, торопливо пожимая руки Горькому и Луначарскому.

— Узнаю и не узнаю, — басил Горький, с восхищением разглядывая Жукова, его матросский бушлат, маузер в деревянной полированной кобуре, напоминающей новенький школьный пенал, георгиевскую ленту с почерневшей золотой надписью «Князь Потемкин Таврический» на шапке.

— Вот ведь какая штука! Да-с! «Потемкин»...

На глазах у Горького показались слезы. Он сердито смахнул их указательным пальцем, покрутил головой. Но слезы выступили снова, наполнили глаза и вдруг потекли по шафранным скуластым щекам, блеснув на кончиках усов.

— Фу, черт, расстроил меня совсем! Радоваться надо, а я плачу.

Он достал из бокового кармана хорошо выглаженный, свежий носовой платок, пахнущий одеколоном, решительно вытер слезы и, сердито посмотрев на Жукова, сказал:

— Вы, сударь мой, уже не человек. Вы легенда. Ах, боже мой, да вы сами не понимаете, что вы все сотворили! — вдруг закричал Горький, оглядываясь по сторонам и как бы приглашая в свидетели сотни людей, которые наполняли громадное здание Смольного гулом своих голосов и шагов.

— Вы не скажете, где Ленин? — спросил Родион Жуков, испытывая не менее сильное волнение, чем Горький, но никак не желая поддаться этому волнению. — Всюду был — нигде нет.

— В аппаратной, — сказал Луначарский, — разговаривает по прямому проводу с Гельсингфорсом. Идите туда.

Часовой — молодой солдат в обмотках, с узкими, напряженно подозрительными глазами — вскинул винтовку, но, увидев надпись «Потемкин», тотчас отвел в сторону штык и, как завороженный, пропустил Родиона Жукова в комнату, в глубине которой на столе блестели медные колесики и слышалось характерное постукивание телеграфных аппаратов.

Первый, кого увидел Родион Жуков, был Ленин, который шел прямо на него в своем поношенном пиджаке, держа в руке моток телеграфной ленты.

Они чуть не столкнулись.

— Вы ко мне? — сказал Ленин, бегло взглянув на Жукова. — Я же просил, чтобы товарищей из армии и флота прежде всего направляли прямо на третий этаж к Дыбенко или Антонову-Овсеенко. Ну хорошо, что у вас? — спросил он уже мягче.

— Здравствуйте, Владимир Ильич. Я Жуков.

— Какой Жуков?

— Вы меня, наверное, не помните. Матрос с «Потемкина».

— Ах вот что! Как же! Прекрасно помню! Вы у нас проходили партийную подготовку в Лонжюмо. Но это было довольно-таки давно. Где же вы изволили до сих пор пропадать?

Ленин стоял перед Родионом Жуковым, слегка расставив ноги и заложив руки за спину. Его лысая с рыжеватыми волосами на затылке голова была откинута, глаза строго и недоверчиво прищурены. Он ждал. Спокойно, но настойчиво.

Родион Жуков, нисколько не обидевшись на такой прием, стал рассказывать Ленину, где был и что делал за последние семь лет.

— А почему не были на открытии съезда?

— Брал Зимний.

— Это другое дело, — сказал Ленин, и вокруг его глаз, по сухой желтоватой коже побежали лучистые морщины. Он крепко пожал размашисто протянутую руку Родиона Жукова с небольшим мутно-голубым якорем, вытатуированным у основания большого и указательного пальцев.

— Это совсем другое дело, товарищ! — уже совсем весело повторил Ленин и, вдруг остро прищурившись, как будто прицелившись в самую переносицу Родиона Жукова, спросил:

— Ну так как, надеюсь, вы уже окончательно избавились от своих либеральных заблуждений?

— Не знаю, что вы имеете в виду, — пожал крепкими, круглыми плечами Родион Жуков.

— Отлично знаете! Отлично! — воскликнул Ленин, грозя ему пальцем. — По глазам вижу, что знаете. Признайтесь!

— Честное слово, Владимир Ильич! — взмолился Жуков, который и впрямь ничего подобного за собой не чувствовал.

— А ваша позиция по вопросу о выборах в Государственную думу? Сколько мне помнится, у вас был тогда сильный «мартовский» душок. Архисильный! Попахивало откровенным отзовизмом.

— Это когда? Что-то я не шибко припоминаю, Владимир Ильич, — пробормотал Жуков и слукавил: теперь-то он очень хорошо понимал, о чем идет речь.

Речь шла об одном случае в Лонжюмо, в партийной школе, когда на лекции Ленина по теории и практике социализма он подал записку, что считает ненужным выдвигать в Государственную думу депутатов от большевиков, а лучше поддержать представителей буржуазной оппозиции.

Хотя это было лет шесть тому назад, но Жуков почему-то густо покраснел.

— Н-не припоминаю, — снова пробормотал он.

— Зато я очень хорошо припоминаю, — сказал Ленин и еще раз погрозил Жукову.

Жуков покраснел еще гуще. Ленин махнул рукой с зажатым в ней мотком телеграфных лент.

— Ну, да ладно! Надеюсь, теперь-то вам понятно, что вы заблуждались самым жалким и позорным образом. И поставим на этом крест. Сегодня же у нас на повестке дня гораздо более серьезный вопрос, от которого зависят наша жизнь и смерть: как удержать власть?

Ленин некоторое время молча всматривался в лицо Родиона Жукова и вдруг спросил его уже прямо в упор, требовательно, даже сердито:

— Как удержать власть? Что вы об этом думаете?

Этот вопрос на другой день после взятия Зимнего дворца, бегства Керенского, ареста Временного правительства — одним словом, после блестящей, молниеносной и почти бескровной победы Октябрьской революции мог показаться по меньшей мере странным.

Но Родион Жуков слишком хорошо знал Ленина, чтобы не понять всю силу и громадную глубину этого вопроса. В нем был весь Ленин, с его предусмотрительностью, трезвостью мысли, остротой политического анализа, прирожденной нелюбовью ко всем общим местам и полным отсутствием какой бы то ни было позы.

Среди общего восторга громадной исторической победы, которую так долго и так страстно ждали многие поколения русских трудящихся, легко можно было потерять голову.

Это могло бы случиться со всяким, но только не с Лениным.

— Как удержать власть? — сказал Жуков, подумав. — Да так же, как это бывает всегда. Драться!

— Верно, — сказал Ленин. — Но какими силами?

— Армия, флот...

— Армия смертельно, адски устала, и пока еще многие части находятся под сильнейшим влиянием всякой и всяческой контрреволюционной сволочи вроде правых эсеров, кадетов, Краснова, Корнилова... Керенский подошел к Гатчине. Армию еще нужно повернуть на нашу сторону. На это требуется время. А флот я уже вызвал. Вот. — Ленин показал моток телеграфной ленты. — Из Гельсингфорса идут линейный корабль «Республика» и миноносцы с оружием, десантом и продовольствием. Вот вы, например, моряк. Правда, бывший. Но как вы думаете: если миноносцы войдут в Неву около села Рыбацкого с тем, чтобы защищать Николаевскую дорогу и все подступы к ней, а «Республика» станет рядом с «Авророй»?

Ленин подошел к окну и посмотрел вдаль, как будто бы уже видел корабли, входящие в Неву. Вечерело. За окном над Большой Охтой плыл холодный октябрьский туман. Мелькали размытые тени балтийских чаек. На фоне этого плывущего жемчужно-серого тумана и этих плавно мелькающих чаек лицо Ленина было вылеплено, как прекрасный барельеф, исполненный несокрушимой силы и несокрушимой воли.

— Как хорош этот город! — вдруг мечтательно сказал Ленин и, повернувшись к Жукову, резко прибавил: — Ну какой же резон отдавать его какой-нибудь шлюхе вроде Ке-

---

Отрывок из нового романа.

В. И. ЛЕНИН БЕСЕДУЕТ С КРАСНОГВАРДЕЙЦАМИ В ДНИ ОКТЯБРЯ.

Рис. П. Васильева.

ренского? — И почти без перехода: — Стало быть, вы считаете, что если «Республика» станет рядом с «Авророй», то мы будем иметь достаточный радиус для обстрела любой части города?

— Безусловно, — сказал Жуков.

— Ну-с, так, — сказал Ленин с улыбкой. — Значит, вы советуете драться? Так и поступим.

Он прошелся по аппаратной, весь погруженный в какие-то очень далекие мысли, и вдруг как бы опять вернулся к вопросу, о котором совсем забыл.

— Вы делегат съезда? — спросил он внезапно Жукова уже совсем другим тоном: суховатым, строгим.

— Так точно! — по-военному ответил Жуков.

— От кого?

— От Румфронта.

Ленин нахмурился.

— Так зачем же вы здесь сидите, в Питере? Почти все делегаты уже разъехались.

— Я уезжаю сегодня. Пришел повидаться.

— И правильно. Уезжайте как можно скорее. У товарища Свердлова были?

— Был.

— Инструкции получили?

— Получил.

— Ну, так желаю вам всего хорошего. Не теряйте времени. Поезжайте. Значит, вы советуете драться?

— Драться, Владимир Ильич!

— А у вас есть чем драться?

— Вот, — улыбнулся Жуков, похлопав рукой по висящему маузеру.

— Мало, — сказал Ленин, строго покосившись на красивый, большой пистолет. — Вот ваше главное оружие. — И он взял с подоконника последний номер газеты.— Декрет о земле. Декрет о мире. Сколько экземпляров берете с собой?

— Порядочно.

— Покажите, покажите, сколько!

Жуков расстегнул бушлат и показал Ленину несколько экземпляров газеты.

— Только-то! — разочарованно сказал Ленин. — Э, нет, батенька! Вы меня, наверное, не так поняли. Пойдемте-ка вниз.

Ленин стремительно вышел из аппаратной. Жуков едва за ним поспевал. Они очутились внизу, в экспедиции. Здесь лежали пачки только что напечатанных листовок с текстом Декрета о земле и Декрета о мире.

— Давайте берите, не стесняйтесь!

И Ленин по-хозяйски стал срывать с пачек обертку, едко пахнущую свежей типографской краской и керосином, брать листовки, аккуратно их складывать и с веселым, каким-то «гимназическим», как подумалось Жукову, смехом совать во все карманы Родиона.

— Берите, берите! Не стесняйтесь. И помните, что сегодня в нашей стране, да и во всем мире нету сильнее динамита, чем эти простые русские слова: хлеб, земля, мир.

Он посмотрел на Жукова и вдруг как бы в первый раз увидел на его шапке георгиевскую ленту с золотой потемневшей надписью.

— А знаете, это очень хорошо, что вы надели свою старую форму. Носите ее, не снимая. Это тоже, знаете, динамит: хорошее русское революционное слово «Потемкин».

Когда, получив у Ленина письмо для большевиков из Румчерода и попрощавшись с Павловской, Родион Жуков с вещевым мешком за плечами вышел из Смольного, во дворе уже пылали костры, освещая лица дежурных пулеметчиков и массы дождливого балтийского тумана, плывущего низко над холодной черной землей позднего октября.

Штурм АНТАРКТИДЫ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Академик Д. ЩЕРБАКОВ

Как известно, исследования Международного геофизического года, начатые 1 июля 1957 года, продлены еще на один год. Ученые многих стран продолжат исследования Антарктиды. При Академии наук СССР создается Междуведомственная комиссия по изучению Антарктики во главе с академиком Д. И. Щербаковым.

В беседе с корреспондентом «Огонька» Дмитрий Иванович Щербаков ответил на ряд вопросов.

— Что можно сказать о первых результатах работы советских полярников на шестом континенте?

— Полное представление об этом дадут обширные научные труды, которые сейчас готовятся к печати. Но и теперь уже можно сослаться на ту высокую оценку, которая дана советским исследованиям Антарктики на недавно проходившей в Москве Ассамблее СКАР (Специального комитета по изучению Антарктики).

Достаточно напомнить, что из 24 научных станций, созданных на ледяном континенте во время Международного геофизического года, 6 станций принадлежат СССР; из 7 станций, работающих внутри материка, 4 станции наши: Пионерская, Комсомольская, Восток и Советская. Каждая из них расположена на большой высоте, в местах, куда не ступала до сей поры нога человека.

Минувшей антарктической зимой, которая по календарю совпадает с летом Северного полушария, на этих станциях были отмечены рекордно низкие температуры воздуха (до минус 87,4 градуса по Цельсию), никогда прежде не наблюдавшиеся на земном шаре.

Наземными и воздушными средствами — на санно-тракторных поездах, самолетах и вертолетах — изучалось антарктическое побережье между 77 и 111 градусами восточной долготы. Кроме того, с воздуха обследован огромный треугольник между Мирным, геомагнитным полюсом и полюсом относительной недоступности — огромное белое пятно на карте.

По новому методу, предложенному советскими учеными, — наблюдениями с самолетов — впервые точно определены высоты многих пунктов Восточной Антарктиды.

В морях южнополярной области от 20° восточной долготы на восток до 110° западной долготы нашими экспедициями проведены обширные океанологические исследования.

Сорок два научных учреждения в СССР привлечены сейчас к обработке материалов, собираемых полярниками Антарктиды. Уже одно это диктует необходимость координировать все силы, создать единое руководство. Поэтому-то при Академии наук СССР и формируется Междуведомственная комиссия по изучению Антарктики. В состав комиссии наряду с институтами академии входят также Главсевморпуть, Гидрометеослужба, некоторые университеты. Арктический институт в Ленинграде, накопивший за последние три десятилетия огромный опыт изучения полярных стран, стал теперь институтом Арктики и Антарктики.

— Можно ли говорить сегодня о новых географических открытиях на полярном Юге?

— Да, конечно. Недаром Антарктиду зовут загадочным материком. Ведь до сих пор неизвестно, что это – единый континент или архипелаг островов, скованный гигантским ледником.

Сейсмическое зондирование толщины ледяного панциря в последние годы показало, что ложе ледника в некоторых местах находится ниже уровня моря, то есть лежит на морском дне. В 1949—1952 годах Норвежско-Британско-Шведская экспедиция, определявшая толщину льда в Атлантическом секторе Антарктиды, установила, что на 200-м, 300-м, 400-м и 440-м километрах от побережья ледник лежит ниже уровня моря местами до тысячи метров.

В 1956/57 году наши гляциологи в Индийском секторе Антарктиды проводили сейсмический разрез на 375 километров к югу от Мирного. И здесь в ряде пунктов основание ледника оказалось ниже уровня моря. Мирный, таким образом, находится не на материке, а на острове, от которого до истинного побережья материка несколько сот километров. Подобные же результаты дал сейсмический разрез, проведенный американскими гляциологами в Тихоокеанском секторе на расстоянии 830 километров от побережья.

Возникло предположение, что между Западной и Восточной Антарктидой проходит морской канал, от моря Уэддела до моря Росса. Однако последние сведения, полученные недавно Британской экспедицией, прошедшей от моря Уэддела до моря Росса, опровергли эту гипотезу. Здесь обнаружен не канал, а лишь значительное понижение уровня суши, своего рода глубокий желоб.

Заслуживает внимания и другое предположение некоторых ученых о том, что Антарктида во многом подобна Гренландии: как и Гренландия, она являет собой единый массив суши, который титанической тяжестью ледникового панциря как бы вдавлен в окружающий океан. Если это верно, то несомненно, что с постепенным таянием ледников Антарктида медленно, но неуклонно поднимается над уровнем океана так же, как Скандинавский полуостров, острова Шпицбергена и Земли Франца Иосифа.

— Вы упомянули о Восточной и Западной Антарктиде. Чем они отличны друг от друга?

— Различие тут коренное и весьма существенное для геологов. Восточная, наименее изученная часть южного полярного материка, составляет примерно две трети его площади и являет собой древнейшее образование земной коры в виде ступенчатой платформы, приподнятой над уровнем океана. Западная же Антарктида, гораздо более молодая по геологическому возрасту, служит как бы продолжением складчатых гор Южноамериканских Анд.

По этим особенностям можно предположительно судить и о возможных полезных ископаемых. В Восточной Антарктиде, геологически сходной с Южной Африкой, Центральной Австралией и Бразилией, могут быть обнаружены месторождения урана, благородных и редких металлов. В Западной Антарктиде, по аналогии с Венесуэлой и Боливией, вероятны залежи нефти, медных, серебряных, оловянных и свинцовых руд.

Наши советские геологические исследования до сей поры были крайне затруднены тем, что приходилось работать в районах, где горные породы погребены под ледниками. Теперь наряду с геофизическими наблюдениями мы сможем и более углубленно заняться геологией. В ближайшие годы будут изучаться районы наибольшего обнажения горных пород — Земля королевы Мод на Атлантическом побережье Восточной Антарктиды и берег моря Беллинсгаузена на Тихоокеанском побережье Западной Антарктиды. Там намечено создать новые советские научные станции, которые будут названы именами первооткрывателей шестого материка — наших славных соотечественников М. П. Лазарева и Ф. Ф. Беллинсгаузена.

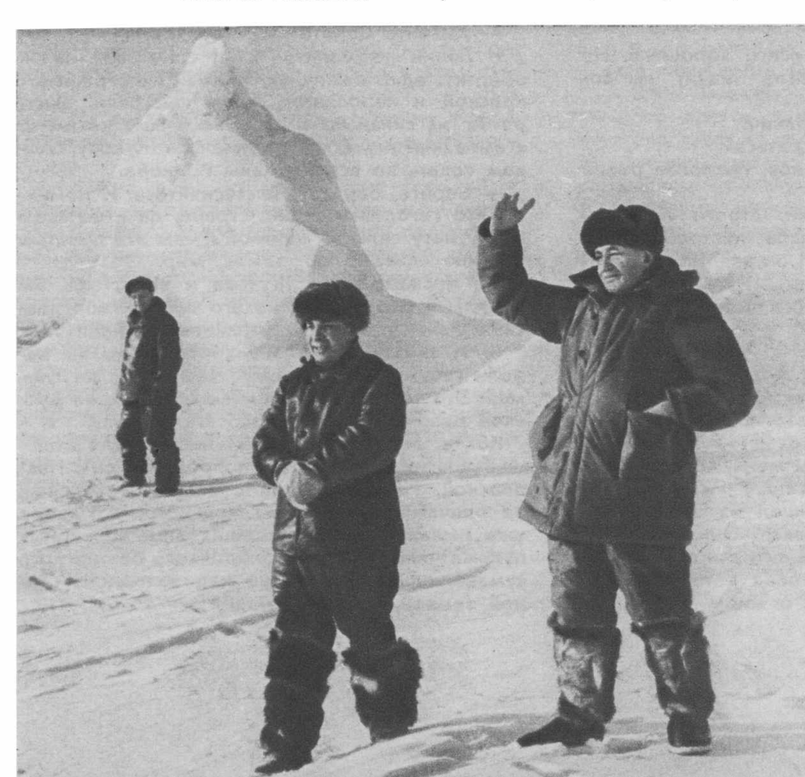
— Хотелось бы услышать от вас и о морских исследованиях.

— Это очень интересная область. Изучение южнополярных морей как зарубежными, так и нашими океанологами за время МГГ выявило, что между Антарктидой, с одной стороны, и южными оконечностями Америки, Африки и Австралии — с другой, проходит кольцо подводных возвышенностей с активной вулканической деятельностью. В глубинах океана происходит непрерывное образование новых гор. В далеком будущем — через многие тысячи лет — эти горы, вероятно, появятся на поверхности океана, как появилась в свое время Курильская гряда.

Детальные наблюдения за рельефом дна, возможно, позволят открыть в пределах береговой отмели (на подводном продолжении континента) поперечные долины, образованные реками, которые когда-то текли с Антарктического материка в океан. По этим подводным долинам, возможно, удастся восстановить историю недавнего геологического прошлого шестого материка.

— Сказанное вами подводит к мысли о том, что Антарктида в наши дни перестает быть пустыней.

— Правильно. Прогресс в технике и транспортных средствах сделал южнополярную область доступной для огромной армии ученых. Никогда прежде Антарктида и прилегающие моря не были так «густо населены», как во время Международного геофизического года. Успешное сотрудничество ученых многих наций создает уверенность в том, что и в дальнейшем разведчики науки будут «постоянными жителями» загадочного материка, а сам этот материк перестанет в конце концов быть загадкой для человечества.

Во льдах Северного Ледовитого океана. Справа налево: академик Д. И. Щербаков, член-корреспондент Академии наук Е. К. Федоров, кандидат географических наук М. Е. Острекин.

Фото Я. Рюмкина.

СЕВЕРНЫЕ КЛАДЫ

Воркута
Салехард
Нарьян-Мар
Печора
Ухта
Великий Устюг
Вологда
Череповец

Вас. ФЕДОРОВ

Фото А. Гостева.

Горюч-камень

Драгоценные клады в сказках находятся просто. Идет охотник, видит: летит птица; посылает охотник стрелу — птица падает, и, конечно, туда, где лежит сокровище.

Поскольку моя история — быль, и притом северная, то все произошло немного иначе. Охотника погнал в тундру голод, истребительный голод девятнадцатого года. Никакой романтики. Он был солдатом, этот охотник, и вернулся домой покалеченным. Но стрелять он мог. Вместе с десятилетним сыном они плыли в лодке по трем рекам: Сейде, Усе и Воркуте. Плыли они в пустынную тундру за гусями. Охота была удачной. Полторы сотни гусей уже лежало в лодке. С таким грузом по своевольной, порожистой Воркуте плыть трудно. Решили причалить к берегу и передохнуть. Шел поздний час светлой полярной ночи. Развели небольшой костер, и отец отправился на поиски скудного топлива. Путь ему преградил береговой обвал. Под комьями глины охотник заметил черный блестящий камень. Среди охотников коми мало кто знал о назначении этого черного камня. Но этот знал. Возвращаясь с фронта, он видел, как такими камнями топили паровозную топку. Из-под глины он достал несколько кусков, принес к костру и положил в огонь.

— Потушишь костер! — сказал сын.

— Молчи, сынок,— ответил отец не очень уверенно.

Молчали. Ждали. Камни стали нагреваться и потрескивать. Потом загорелись. Мишутка просиял:

— Горюч-камень!

Через два года охотник снова вернулся в эти края. На этот раз он захватил с собой мешок, положил в него образцы породы и, вернувшись домой, отослал их лично Владимиру Ильичу Ленину. Хоть и не до новых шахт было в то время, все же место это взяли на заметку. Но геологическая экспедиция появилась здесь только в тридцатом году, а через два года заложили первую шахту.

Я пишу об этом подробно, потому что город Воркута сто́ит этих подробностей.

Мы смотрели на него с высокого берега Воркуты. Имя это ненецкое и значит Медвежья река. Перекрытая плотинами, она стала спокойной и местами мелкой. Сразу же за рекой начиналось поле, засеянное редиской, и за полем — один из многочисленных рабочих поселков. Над ними возвышаются терриконы шахт с бурыми отвалами перегоревшей породы. Трубы ТЭЦ, отстоявшие на большом расстоянии друг от друга, создавали иллюзию огромных ворот, за которыми прятался настоящий город.

Глядя на город, забываешь, что это за Полярным кругом. Вообще шахтерские города похожи друг на друга. Но здесь обернешься—и увидишь позади себя тундру, над которой лениво машет крыльями белая полярная сова, а у ног жмется карликовая березка—родная сестра нашей царственной березе. Наша русская береза украшает себя длинными висящими сережками. Не хочет отстать и эта. Только сережки у нее крохотные и не свисают книзу, а торчат вверх.

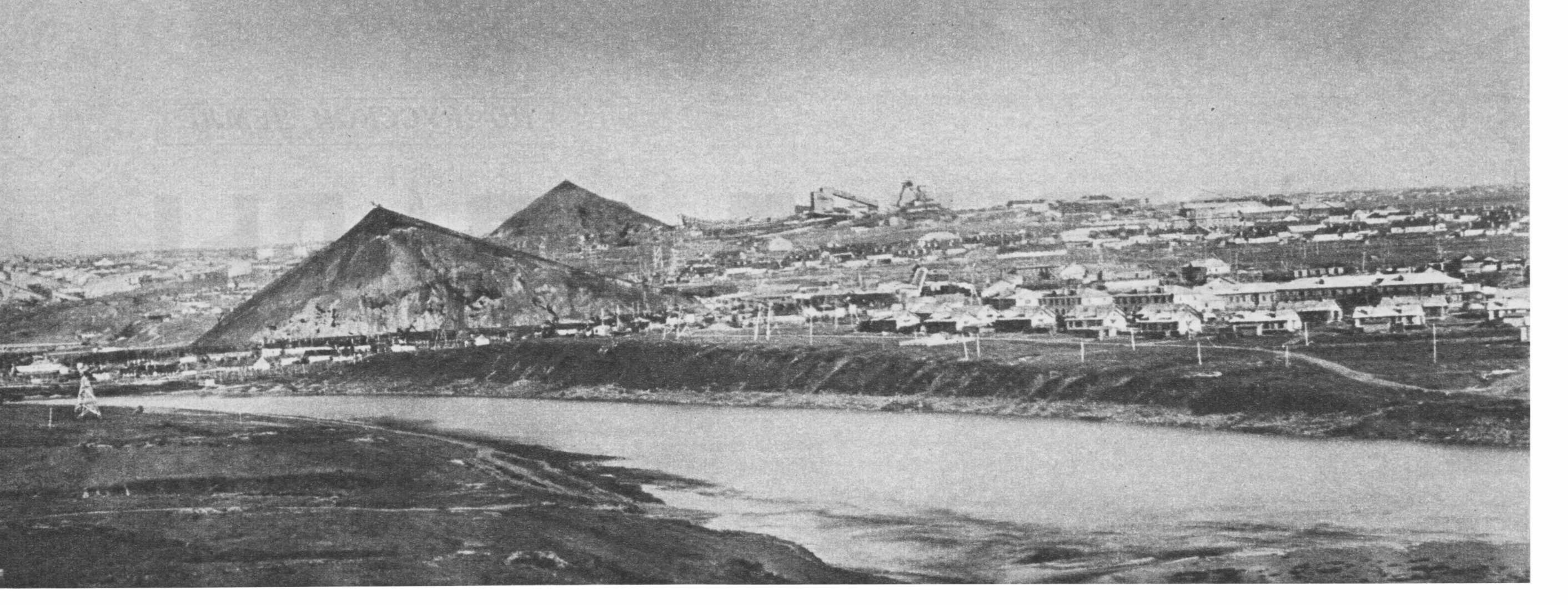
...В природе много любопытных случайностей. Конечно, случайно контуры залегания воркутинских углей оказались похожими на сердце. Но уже не случайно макет этого сердца с обозначенными на нем шахтами прибит к стене здания управления комбината. Если бы каждый город имел свой герб, как это было в старину, то Воркута избрала бы себе изображение каменного сердца.

На следующее утро мы отправились на шахту «Капитальная». Она расположена в черте города. Ее заложили в 1937 году. После этого были построены еще двадцать четыре шахты, но до сих пор она является лучшей. Ее называют кузницей кадров. Почти все руководящие работники шахт приходили отсюда.

Спуск в шахту обычен. Клеть опустила нас до рудничного двора, от которого мы прошли довольно чистеньким переходом до тележек, ходивших по наклонному пути. Тележки спускали нас вниз.

...Свет лампочки упал на вагонетки. Откуда-то сверху, поблескивая на свету, катился каменный ручей и падал в открытый вагончик. Вскоре он наполнился. Тяжелый кусок угля перевалился через край и упал к нашим ногам. Инженер Бессонов поднял его и осветил лампой. Тускло заблестели четкие грани излома.

— Ценный уголь,— сказал он.— Главное назначение его — на кокс. Но только один Череповецкий металлургический комбинат использует его правильно. Во всех остальных городах Севера наш

Широко раскинулся заполярный город шахтеров Воркута.

Здравствуй, Печора!

уголь идет на топливо. Роскошно живем!

— А скромнее нельзя?

— От нужды расточительны. Дороги на Урал нет, а там такой уголь до зарезу нужен.

Опираясь на край вагончика, мы влезли в темную отдушину. Мне пришлось приобрести свойства складного ножа. Я передвигался на корточках. Впереди замелькали огни, послышались голоса и шум работающего комбайна. Здесь начинался каменный ручей. Уголь валился на транспортер и убегал вниз. Я видел, как рушилась угольная стена, а отчего, не сразу догадался. И лишь приглядевшись, заметил стальную цепь, которая бегала по кругу, вгрызаясь в угольный пласт. Вместе с угольком откалывались крепкие словечки. Это нервничали крепежники, не успевавшие крепить лаву. За комбайном сидел немолодой человек... Впрочем, у шахтеров были видны лишь глаза да зубы, а они у всех кажутся здесь одинаковыми.

Мы попали на лучший участок шахты горного мастера Степкина. За комбайном сидел сам Егор Никанорович. О нем я слышал еще наверху. Свою шахтерскую биографию он начал в Горловке ламподоносом, потом вагонщиком, потом забойщиком. Ни одной из этих профессий на шахте уже нет. Вместе с ним на участке работает его сын Владимир, студент горного института. Они были очень похожи, когда в конце смены сели рядом. В присутствии отца Степкин-младший держится застенчиво, зато у Степкина-старшего вид был разухабистый: шапка заломлена, из-под нее на запыленный лоб выбился скомканный чуб.

— Достань-ка «тормозок»!..

«Тормозком» шахтеры называют еду, которую берут с собою в шахту. Вокруг собралась вся бригада. На лицах лежала пыль, но в людях еще ощущалась бушевавшая энергия. Рядом со мною сидели шахтеры, поднимавшие на холодную поверхность окаменевшее тепло земли. Кто-то из них сказал, что опять видел на угле отпечатки листьев папоротника.

Листья папоротника! Значит, когда-то в этих местах было тепло, бушевала жизнь, потом она почему-то замирала и снова вспыхивала.

Многие говорили мне, что Воркута — город временных жителей, которые приезжают сюда за длинным рублем. Может быть, я и уехал бы с таким мнением, если бы не встретил земляка, анжеро-судженского шахтера Василия Яковлевича Бондарчука. Его послали сюда в начале Отечественной войны, когда немцы заняли Донбасс и Воркутинское месторождение приобрело огромное значение. За это время он вырастил двух сыновей, дочь. Старший уже закончил горный техникум и работает в шахте, двое учатся. Мы сидели и вспоминали Кузбасс, Анжерку, которую я очень люблю. В дверях появилась длинноногая девушка с круглым румяным лицом и вздернутым носиком. Это была дочка моего земляка. Выросла она в Воркуте, но решила съездить в Анжерку. Вернулась оттуда недавно.

— Понравилось? — спросил я.

— Нет! — ответила она решительно.— У нас в Воркуте лучше.

Такова северная быль. Она была бы неполной, если бы я не вернулся к ее главному герою — охотнику, живущему на живописном берегу Сейды, в бревенчатом домике, построенном для него воркутинскими шахтерами.

Поезд шел тундрой. В тени речных берегов лежал снег, хотя, как говорят, на дворе был июль. По тундре гуляло стадо холмогорок. На всем пути за нами издали приглядывали горы полярного Урала.

Виктора Яковлевича Попова мы отыскали на берегу реки. Не верилось, что этому крепкому седобородому старику восемьдесят девять лет. Как и в молодости, он собирался отправиться на лодке вверх по Усе за «белой» рыбой. Его узковатые цепкие глаза смотрели на горы, таявшие в тумане, на тихую Сейду.

— Погода ладная!

В разговоре с нами он вспомнил свою жизнь, охоту на Воркуте, сына Михаила, с которым они открыли горюч-камень.

— Где он теперь?

— Нет его,— тихо ответил старик и корявым пальцем начал соскребать с брюк рыбью чешую,— не вернулся с фронта... Четыре сына не вернулись...

Наступило молчание. Словно чувствуя вину, что огорчил нас печальной вестью, старец поднял голову и сказал:

— Но у меня еще двое остались! — Из седых зарослей усов и бороды проглянула улыбка.— И двадцать девять внуков!

Реки, как и люди, бывают очень похожими друг на друга, но, как и люди, есть реки, ни на кого не похожие. Печора — одна из таких особенных рек.

В поисках пристани мы шли через тихий городок с добротными деревянными домами. Одинокий прохожий направил нас к высокой гривке, на которой стояли сосны. Откуда-то снизу между стволами цедился мягкий свет. Мы взошли на холм и ахнули: далеко внизу яснилось лицо реки — с него сбегали тени,— все шире и шире открывались ее глаза. И вскоре вся она, безгранично широкая, засветилась в своих хвойных берегах. Хорошо увидеть красоту на рассвете! Захотелось сказать:

— Здравствуй, Печора!

Вскоре стали подходить и другие пассажиры. Замелькали узлы, чемоданы. Шаркая по воде шлепанцами, к пристани причалил пароход «Молоков». Началась погрузка. Крепкие парни, играючи, бегали с мешками. В расползшийся шов нижнего мешка вылез синеватый зуб крупной чесноковины. Пароход шел в Нарьян-Мар.

Нас разместили в каютах первого и второго классов, с общим салончиком, где пассажиры завтракали, обедали и знакомились. Мы с товарищем садились за стол раньше всех и уходили позднее всех, хотя за столом делать было нечего... Мы плыли по живой рыбе, а нас кормили консервированной. Прекрасная тема для общего разговора, особенно для людей, едущих с курорта. Летнее время на Севере — время отпусков, и курортников было немало: учительница немецкого языка с южным загаром на открытых руках; механик с ремонтного завода, еще хранивший на своем лице курортное благодушие; заведующий лесным складом из ближнего затона. Он был длиннолицый, желчный, всех знавший и всех критиковавший.

— Без образования,— скрипел он про механика,— а, представьте, пост занимает инженерский! И деньги получает инженерские!..

Даже об учителе из Усть-Цильмы, человеке молчаливом и скромном, он не мог говорить без раздражения:

— Из Сыктывкара!.. С повышением!

Одним словом, если бы я воспользовался его характеристиками, то все люди на пароходе оказались бы плохими. А между тем с нами ехали люди интересные. Взять, к примеру, молодую чету. Она студентка Ленинградского педагогического института, он инженер-нефтяник, только что закончивший институт и получивший назначение в Ухту. Наблюдая за ними, можно было предсказать, что главою дома будет она, сероглазая модница, а не он, высокий, бледнолицый, с пышной шевелюрой и грустными глазами. Такими в кино изображают молодых талантливых пианистов. Держался нефтяник сдержанно и даже робко. Позднее его робость стала мне понятна: он ехал показываться теще.

Бо́льшую часть времени мы проводили на палубе. Перед нами стелилась та же иссиня-темная ширь Печоры. Русло ее привольно гуляло по северной земле. То и дело менялся фарватер. Временами пароход шел прямо на берег, почти утыкался в него носом и ждал, пока по спущенному трапу на пустынный берег в одиночку и группами сбегали пассажиры. Окрест ни одного строеньица, ни одного дымка, а люди прощались с нами весело. Чувствовалось, приехали домой. Где-то их ждали.

Вечером за круглым столом салона мы познакомились еще с одним пассажиром. И раньше этот бритоголовый человек с усталым лицом появлялся среди нас, но участия в разговоре не принимал, а, пообедав, уходил в каюту и шелестел там какими-то бумагами. На этот раз он задержался. Помогла консервированная оленина, которую мы ели и похваливали. И тогда мы узнали, каким бывает оленье мясо в сыром и вареном виде. Услышав, что ненцы едят мясо сырым, одна из женщин повела плечами:

— Как некультурно!

— Зато ненцы никогда не страдают цингой!

Все выдавало в нем бывалого человека Севера, который мог рассказывать о повадках оленя, о ходе семги, о печорском засоле. Мы познакомились. Он назвал свою фамилию: Куртепов.

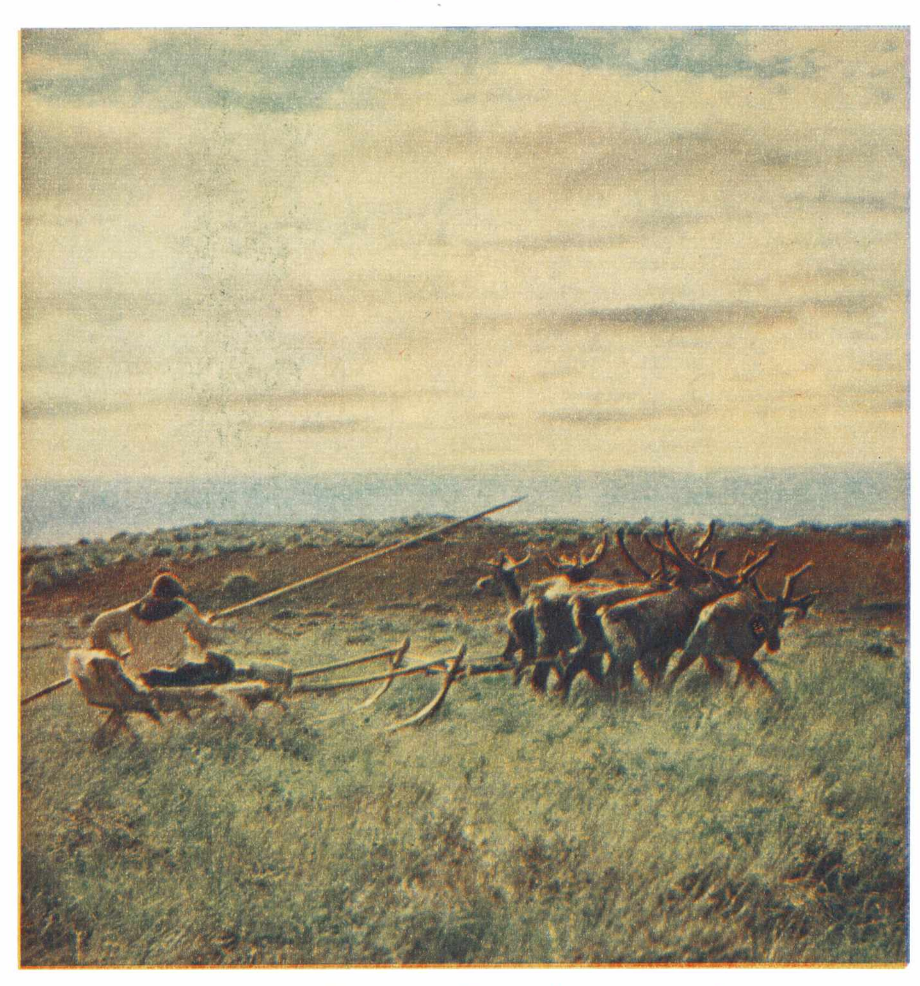
— Простите, а имя и отчество?

ВОРКУТА. Горняки шахты «Капитальная» перед началом смены.

Фото А. ГОСТЕВА.

→ Футбольный матч на стадионе шахтеров Воркуты.

В оленеводческом колхозе «Нарьян-ты» (Ненецкий национальный округ). Молодых оленей приучают ходить в упряжке.

УХТА. Ансамбль жилых домов на улице Мира создан по проекту архитекторов П. К. Мурзина (слева) и Н. П. Жижимонтова.

←
Главный геолог Ярегского шахтоуправления Ухтинского нефтепромысла А. К. Махотин.

→
Старший мастер доменной печи Череповецкого металлургического комбината. Герой Социалистического Труда А. И. Ольховиков.

Нарьян-Мар. Рыболовецкие суда у причала.

— Первый царь из дома Романовых.

— Михаил Федорович?

«Первый царь из дома Романовых» занимался землеустройством оленьих пастбищ почти по всему Северу. Резиденция межобластной комплексной экспедиции, которую возглавляет сейчас Михаил Федорович, находится в Салехарде, а сотрудники многих пунктов — от Нарьян-Мара до Амдермы и выше. В распоряжении экспедиции есть и авиация. Самолеты совершают планомерный облет тундры, при этом на карту наносятся ягельные места. Цвет ягеля серовато-белый и хорошо виден сверху. Тем временем по тундре, не сворачивая ни вправо, ни влево, идут землеустроители и наносят на карту свои данные: наличие ягеля, присутствие зверя и птицы. Данные двух наблюдений сверяются, обрабатываются.

— Работа эта срочная, крайне необходимая. За время пастьбы стадо проходит более семисот километров. Плохо, если одно стадо пойдет по следу другого. Летом олени идут на север, к морю, зимой возвращаются в места, богатые ягелем. Ненецкому округу и республике Коми приходится кооперироваться. У коми — зимние пастбища, у ненцев — летние.

— Поедемте со мною! Все и посмотрите.

И мы уже почти договорились присоединиться к маршруту Куртепова, когда услышали тихий голос учителя:

— А Усть-Цильма?

Решили сделать остановку.

Сойдя с парохода, мы долго поднимались по крутой лестнице. Было уже поздно, но летом северная ночь и здесь белая. В матовом свете высоко поднимались дома не дома, а твердыни. Говорят, на кедровых бревнах еще видны слова, вырубленные топором: «В 1851 году рубил плотник Захар Савельев». Хорошо рубил Захар Савельев!

С высокой горы было видно, как по Цильме и Печоре на смоленых лодках передвигались огромные стога сена. С нее же мы заприметили белый пароход «Сыктывкар», начавший подворачивать к пристани.

Пароход на северной реке — это все равно что кровяной шарик в организме человека. Приткнется к берегу, постоит, высадит людей, выгрузит мешки, ящики и даст толчок чему-то новому. Пароход пойдет дальше, на север, а люди с парохода отправятся в тундру, и, может быть, к великим открытиям.

Уже завечерело, когда мы поднялись на людную палубу «Сыктывкара», шедшего вдали от берегов. Послышалась трогательная песня:

> На нем защитна гимнастерка,
> Она с ума меня сведет!

Песня сменилась танцевальной музыкой, и пассажиры начали танцевать. Вдали тянулись берега, проходили зеленые острова; ветер играл платьями девушек и чубами ребят. За танцующими с улыбкой наблюдал молодой капитан Федор Иванович Онуфриев. Но временами на его крупное, добродушное лицо набегала тень. На мой вопрос, почему он грустит, капитан вздохнул:

— Неладно получилось! Наш пароход комсомольско-молодежный. Так вот... В Печоре два наших молокососа что-то не поделили. Оставили их выяснять отношения...

Рассказывая, он косил взглядом на повариху, танцевавшую с солдатом-отпускником. Она перехватила его взгляд, оставила своего кавалера и, раскрасневшаяся, подбежала к нему.

— Что, Федор Иванович?

— Приготовьтесь принять рыбу!

Пароход заворачивал к берегу. По песчаной отмели сахарной белизны к пароходу торопились рыбаки с уловом. Я порадовался за пассажиров, которые плыли на этом пароходе: их меню будет куда разнообразнее, чем у пассажиров «Молокова». И невольно сравнил двух капитанов. На «Молокове» капитан был совершенно равнодушен к тому, чем его кухня кормит пассажиров. А у Федора Ивановича на кухне парохода были и мясо и свежая рыба.

...Берега становились все ниже и ниже. Пароход уже не петлял в поисках фарватера, а прямо и стремительно шел на север. Я видел Печору на восходе солнца, теперь я увидел ее на закате. И опять хороша! От левого берега над всей ширью реки растянулась косая туча. А за тучей горел краешек солнца. Казалось, что с левого берега можно вскочить на край тучи, и, как по лестнице, бежать высоко-высоко в небо, и смотреть оттуда, как течет эта удивительная северная река.

Юшаровы дни

Ненцы — народ древний. Еще в одиннадцатом веке летописец Нестор писал об этом народе, живущем в «полуночных странах». В прежние времена ненцев называли самоедами, а между тем в переводе на русский язык слово «ненец» значит человек.

Нарьян-Мар — городок молодой, к тому же деревянный. Но когда еще издали видишь подвижные стрелы шести портальных кранов, начинаешь проникаться уважением к городу. Рядом с отечественными судами здесь стоят суда иностранные. И уже язык не поворачивается сказать: «Центр Ненецкого национального округа»,— а напрашивается: «Столица».

Воистину сказано: мир тесен. Не успели мы пройти и двух улиц, как увидели молодого инженера-нефтяника, который приехал показываться теще. Видимо, теща осталась им довольна, иначе не поручила бы ему двух ведер, с которыми он весело бежал к колонке. В портовой гостинице мы столкнулись с «первым царем из дома Романовых». Он продолжал прежнюю агитацию.

— Что же у вас смотреть? — спросил я.— Люди говорят, что землеустроители уже потратили шесть миллиончиков, а землеустройства все еще нет!

Землеустроитель встревожился:

— Кто сказал? На опытной сказали?

— На опытной.

Михаил Федорович посмотрел на своего инженера, молодого человека с громкой фамилией Стерн, и убежденно сказал:

— Это Преображенский!

— Тем более надо ехать и смотреть! — вмешался Стерн.

Но у нас уже были другие планы. Из газет мы узнали, что начался ход семги, что печорские рыбаки приступили к ее лову каким-то новым способом. Где-то недалеко от моря, в районе Ольхового куста, Печору перегородили капроновыми сетями. Прежде этого никогда не было. Позвонили в МРС, выполняющую здесь роль машинно-тракторной станции. Оказалось, что директор станции и представитель Архангельского совнархоза ночью вернулись от Ольхового куста. Но мы почувствовали, что если очень захотеть, то лов строгой рыбы, как называют здесь семгу, посмотреть все-таки удастся.

Нарьян-Мар — по-русски Красный город. Не потому ли и дома выкрашены в красный цвет. Лишь МРС в нарушение традиций покрасила свое управление в голубой. В этом голубом доме мы и услышали выражение «юшаровы дни». Представитель Архангельского совнархоза Федор Антонович Пономарев, энергичный человек с замашками бывалого матроса, спросил директора:

— Савелий Владимирович, а не отшвартоваться ли нам завтра? Раз товарищи интересуются, покажем!

Грузный директор навалился грудью на стол, что-то прикинул в уме, полистал бумажки и развел руками:

— График! На сегодня и завтра сети подняты. Их опустят только послезавтра.

Директор не знал, что в этот момент вопреки строгому графику, прибегая к хитрости, рыбаки уже опустили сети. Но об этом он узнал потом, а сейчас был весел, убеждал денек — другой переждать и посмотреть их детище, когда оно наберет в свои ловушки побольше самой красивой и самой вкусной рыбы.

— Кроме того, сейчас юшаровы дни! — закончил он шутливо.

— Кстати, последний! — добавил Федор Антонович.

— Что за юшаровы дни?— спросили мы в один голос.

В порту стоял пароход «Юшар», курсирующий от Архангельска до Нарьян-Мара. Дни его стоянки и называют здесь «юшаровыми днями». На пароходе нас встретил капитан — высокий, стройный, даже изящный моряк в форменной фуражке, застегнутый на все пуговицы. Разговаривать с ним было одно удовольствие. Он хорошо знал Север и свое дело. Позднее в минуту откровенности Юрий Дмитриевич признался, что он пишет очерки.

— Это у меня от отца.

Отец Юрия Дмитриевича Жукова был капитаном дальнего плавания. В годы испанских событий его корабль побывал во многих портах Европы и Африки. Очерки Дмитрия Жукова о виденном печатались тогда в «Комсомольской правде».

— Хочется пройти по тому же маршруту, посмотреть, сравнить с тем, что видел отец, и написать об этих переменах. Прошло более двадцати лет, в мире многое переменилось с тех пор.

Всем нам, бывшим в гостях у Жукова, этот замысел очень понравился, и было бы хорошо, если бы капитан «Юшара» его осуществил.

...Печора — деликатесный цех. В ней водятся семга, нельма, чир, пелядь, сиг, омуль, зельдь и навага. О такой рыбе, как щука, налим, язь, окунь, здесь не говорят. Ее называют «серой». Семга — королева рыб. В общем улове рыбы на Печоре семга составляет чуть побольше семи процентов. И эти маленькие проценты составляют более четверти всего, что вылавливается по всему Советскому Союзу!

Моторный катер дрожал мелкой неизбывной дрожью. Его делали в мастерских МРС на свой риск и страх. Представитель совнархоза признался, что, когда подписывал чертежи, у него тряслись руки. Они у него дрожали и теперь, когда ему приходилось объяснять схему устройства полуторакилометровой сети, перегородившей Малую Печору. От прямой линии крепления сеть изламывалась прямыми углами, в каждом углу со стороны моря располагалось два садка, один из которых служил складом на случай, если во время улова не подоспеет рефрижератор с его холодильниками.

— Она, семга, умная,— рассказывал Федор Антонович.— Она ткнется в сеть: куда идти? А идти надо! Она идет вдоль сети, заходит в этот угол, а здесь ловушка, стенка сети уводит ее дальше в ловушку...

Идея такой перегородки давняя. Еще старики мечтали перегородить Печору и ловить семгу у входа в реку. Легкое ли дело гоняться за ней по всей реке! За эту идею ухватился совнархоз. Искали удобное место, зимой в пургу и морозы прорубали проруби, измеряли глубину. Некоторые рыбаки встретили эту идею недоверчиво.

— Эвона! Разве в «зигзаги» рыба пойдет?

Бывший бригадир колхозных рыбаков прислал бригаде две семги с запиской: «Покушайте в последний раз». Теперь этот человек вернулся к своим товарищам и работает на «зигзагах».

— Сейчас настроение другое!— подводя итог, сказал директор. Он хотел что-то добавить, но в этот момент на лестнице появился ученик моториста и позвал его наверх. Вместе с ним на палубу поднялись и мы.

Ближе к морю Печора стала еще шире, берега—еще ниже. Навстречу нам шел такой же катер. С него подавали какие-то сигналы. Два катера сошлись.

— Что такое? — спросил Федор Антонович.

— Дело!

Лица наших спутников чуть-чуть встревожились. К нам на катер перешли два человека в грубых дождевиках.

— Что случилось?

Чувствовалось, что при нас разговаривать им не хотелось. Они сошли в каюту. Но катер был маленьким, и секретничать в нем трудно. Стало еще трудней, когда мы узнали, что товарищи в дождевиках — из рыбной охраны. Низенький, видимо, старший, достал из бокового кармана бумажку,

Хороша семга! Бригадир Г. Пащенко (крайний справа) со своей бригадой.

развернул ее и подал директору. Сверху стояли крупные буквы: «АКТ». Директор прочитал, нахмурился и сказал совсем не то, что думал, сказал не человеку в дождевике, а для непосвященных:

— Только-то!

На губах человека из рыбной охраны появилась ироническая улыбка. Через минуту между нами шел откровенный разговор о случившемся. А случилось очень неприятное. Рыбаки нарушили график и спустили сети в неположенные для лова дни. Вернее, для постороннего глаза сети оставались поднятыми, река же была перекрыта снизу другими сетями... Но охрану не проведешь! Хитрость была обнаружена. И вот на столе лежал акт.

— Что будем делать?

— Надо штрафовать!

Так и порешили. Катер грозной охраны двинулся на юг, мы же продолжали свой путь на север. Мне показалось, что психологически рыбаки поставлены в трудные условия, похожие на то, как если бы охотнику разрешили бить только четвертую утку. Но ситуация была еще сложнее. Первые дни семги шло мало, а между тем разнеслись слухи, что простыми сетями рыбаки вылавливают куда больше. Появился азарт.

— Но ведь в колхозе есть план?

— Да, шестьсот центнеров.

— Ну и пусть вылавливают эти центнеры, когда есть удача. При чем же тут перерывы?

Выяснилось, что я рассуждал наивно. Семга идет так: идут самцы, отдельно идут самки,— и при непрерывном лове можно выловить или одних самцов, или одних самок. Кроме того, для МРС непрерывный лов создает неудобства. Получилась бы большая загрузка. При ловле же по графику рыбаки ничего не теряют. Наоборот, они вполне законно могут выловить в установленные графиком дни гораздо больше, чем шестьсот центнеров.

Поднявшись на палубу, мы увидели знаменитые «зигзаги». По другую сторону сети стояли рыбацкие лодки, рыбаки выбирали улов. Неподалеку покачивался на темной волне рефрижератор. Катер проследовал через ворота и направился к рыбакам. От рыбацких лодок отделилась моторка и пошла к нам. В ней сидел плотный мужчина в брезентовой куртке и зимней шапке, сдвинутой на затылок.

— Это бригадир Пащенко, один из организаторов этого предприятия,— подсказал мне директор и обратился к нему:

— Вы что тут самовольничаете?

Пащенко развел руками:

— Не было меня тут.

Я обратил внимание на его руки. Пальцы были короткие и толстые. Такими руками можно крутить стальные канаты.

Взяв нас в свою лодку, Пащенко вернулся к рыбакам. Они уже поднимали садок. В нем закипала вода, вспыхивали и гасли белые широкие бока рыбы. С каждой минутой серебристого блеска становилось все больше и больше, изгибы холеных тел стали упруже.

Пока из садка извлекали серебряное литье бога морей, в лодке между директором и бригадиром шел прозаический разговор о нарушении графика, о недовольстве рыбаков малыми уловами. Из этого разговора я понял, что старый поплавок еще не сдал своих позиций перед «зигзагами» инженеров. Рыбаков толкнуло на ухищрение недоверие к новой технике. Тут еще предстоит борьба...

Вернулись мы на свой катер поздно. На широкую притихшую Печору навалилась ночь, когда катер отправился обратно в Нарьян-Мар.

Я стоял около люка, и до меня из каюты долетели вздох и фраза, сказанная Федором Антоновичем:

— Вот тебе, бабушка, и юшаров день!..

Дары девона

Северный день похож на капризную женщину. Проснулась веселой, постояла перед зеркалом, расчесала светлые косы, отошла и нахмурилась. Хмурилась-хмурилась, дулась-дулась — и снова повеселела... В этом мы убедились, сделав несколько заходов с юга на север и с севера на юг.

Все города строятся. Строится Воркута, строится Нарьян-Мар, строится город Печора, но всех удачливей украшает себя Ухта. В ней подкупают не отдельные удачи, а целые улицы, группы улиц. Вы идете по улице Мира. Она просторна, светла, едина по замыслу и многолика по архитектурным деталям. Светло-кремовые тона местного кирпича в сочетании с белым и розовым орнаментом придают домам особую чистоту и светлость. Национальный орнамент коми прост: шишечки да елочки,— а эффект огромен. Вы заглядываете на соседние улицы — Первомайскую, Студенческую, Октябрьскую — и узнаете тот же стиль. Эти улицы взбираются на холм, и вы замечаете, что каждое здание согласовано с рельефом. Молодые березки и сосны, высаженные здесь, воспринимаются как архитектурные детали. Красотой многих улиц и площадей Ухта обязана двум друзьям-архитекторам, влюбленным в свой северный город: Николаю Павловичу Жижимонтову и Павлу Константиновичу Мурзину.

Каждый город чем-нибудь да славен: Воркута — углем, Нарьян-Мар — рыбой, Ухта — нефтью. Все они стоят на кладах, и у каждого клада свой хитрый замок: у Воркуты — вечная мерзлота, у Нарьян-Мара — глубины моря, у молодой Ухты — необыкновенная нефть девонского возраста. Она очень близка: до нее всего каких-нибудь двести метров,— но тяжелая, вязкая и подняться на поверхность сама не может. Ее пробовали поднимать качалками, но поднять удавалось немного. Особенно трудно было зимой, когда входили в силу грозные ухтинские морозы и бураны. В земле ей тепло и вольготно. А между тем эта капризная нефть, переработанная на масла, получает ценнейшее свойство быть равнодушной к холодам.

Как же подступиться к ней?

— Если она не поднимается к нам, давайте мы спустимся к ней,— предложили профессор Павел Захарович Звягин и его товарищи.

Так возник шахтный способ добычи нефти, чуть ли не единственный в мировой практике. Промысел перенесли под землю...

Путешествуя по Северу, знакомясь с городами, с их историей, я обратил внимание на то, что все они непосредственно связаны с именем Ленина. Еще не отшумела гражданская война, а Владимир Ильич уже занят печорским углем, думает о северной дороге, о той самой, которой мы приехали в Ухту. В двадцатом году Владимир Ильич дает указание сотрудникам ВСНХ:

«Постарайтесь разыскать или поручите разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты...»

Так началась реабилитация края, оклеветанного Ротшильдами и Нобелями. Они не хотели, чтоб Ухта соперничала с ними, хозяевами бакинской нефти. Подкупами царских чиновников, интригами при дворе они заставили поверить, что здесь, на Севере, ничего нет. А кто не верил и продолжал на свой риск и страх пробиваться к северным кладам, того постигла печальная участь.

Ныне здесь, в приухтинском крае, добывается не только нефть, легкая и тяжелая, но и около десяти процентов природного газа, добываемого в стране. Два года назад на Джеболе ударил газовый фонтан редкой силы. Вокруг Ухты уже растут города-братья: Комсомольск-на-Печоре, Сосногорск, ставший центром переработки газового сырья. Я уже не говорю о лесе, извечном богатстве этого края, который и сейчас еще не используется как следует. Когда во время Отечественной войны на нефтяных шахтах не хватало металлических труб, их заменили деревянными, выточенными из стройных стволов. Шестьсот километров таких труб вытачивалось только за один год...

Но вернемся к дарам девона.

Тяжелая нефть дорогá. Она в несколько раз дороже грозненской, но здесь ее умеют защищать. Начальник шахтного управления

Владимир Никифорович Мишаков, человек грузный, сразу же подобрался, подтянулся, как только я завел речь о ее дороговизне, и стал усиленно хвалить нефть. Кроме масел, из нее делают всевозможные лаки, флотский мазут, осевую смазку, различные марки битума, искусственный асфальтит...

Большую часть этой продукции мы видели на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе. Особого рассказа заслуживает асфальтит, стоимость которого равна стоимости... сахара. Всего две — три страны имеют свой асфальтит. У нас его добывают в районе Ухты шахтным способом.

В заводской лаборатории нам показали два черных кусочка, похожих на вар, только один с блеском, а другой тускловатый, один естественный, а другой искусственный, полученный в результате двенадцатилетних исканий начальника лаборатории Михаила Ивановича Быкова и его помощников. Сам он был в отпуске, объяснения давала Ольга Митрофановна Авдеева, моложавая женщина, очень боявшаяся оказаться приписанной к трудам Михаила Ивановича.

— А что будет с шахтой, когда начнется производство искусственного асфальтита? — спросил я.

— Она закроется.

— Это не тревожит рабочих, инженеров?

— Наоборот, они нам все время помогают.

И действительно, что им тревожиться? Не хватит работы? Это в крае-то, где ежегодно множатся промыслы, где, как грибы, растут новые города!

Череповецкие пропорции

Северные города очень молоды, и странно становится, когда на вопрос, где такое-то учреждение, услышишь ответ:

— Это в старом городе.

Другое дело — Череповец, который еще при Петре Первом назывался городом. Мы поселились в гостинице, неподалеку от двухэтажного домика, в котором родился В. В. Верещагин. Да, здесь, в Череповце, родина знаменитого художника-баталиста, поклонника ярких красок и знатока Востока.

...Даже заводской пейзаж Череповца сегодня не тот, каким он будет через несколько лет. Далеко направо строится огромный корпус. На лесах — человеческие фигурки; над фигурками поплыла красная пачка кирпичей. Вот и угадай, куда положат этот кирпич и какую форму примет гигантское сооружение. Немного в стороне на железобетонных рамах — огромные трубы. На нас глядит темная пустота крайней трубы. В какую сторону изогнет свое коленчатое тело этот стальной левиафан? Над мартеновским цехом только две трубы, но место оставлено и для других. Перед нами стояли лишь две домны, окруженные свитой кауперов, но и здесь предусмотрительно оставлено место для новых печей.

В отличие от других металлургических заводов на Череповецком у доменного цеха нет рудного двора. Домны получают агломерат — спекшуюся руду — прямо с агломерационной фабрики, расположенной неподалеку. Мы поднялись на высокую лестницу, чтобы посмотреть, как печется и сходит с конвейера «железный пирог». Весь красный, дышащий жаром, он плыл и плыл из великой пекарни, на краю ленты терял опору, разваливался и тяжелыми кусками падал вниз. Для того чтобы выплавить чугун, домна требует к руде и коксу и другие приправы. В «железном пироге» все эти приправы есть. Но домна есть домна. Даже при такой заботе она может капризничать.

По высоким железным лестницам, по длинным переходам, с опаской поглядывая на землю, мы поднялись под высокие своды цеха, где совершается таинство рождения чугуна. Было очень тихо, безлюдно.

Попахивало горелым. Зашли на пульт управления. Тихо, чисто, светло. За столом сидели два человека в рабочих куртках. Один что-то записывал в журнал, другой опасливо поглядывал на приборы. Его темно-коричневое лицо показалось мне знакомым. Где же я видел его? На Кузнецком комбинате? Ну, конечно же!

— С Кузнецкого и есть! — подтвердил Михаил Паньшин.

— Как на новом месте?

— Ничего,— вяло ответил мастер и снова покосился на приборы.

Знаю я это «ничего», когда стрелки одних приборов скачут, а железная рука других выводит хитрую загогулину. Когда-то старый летописец Пимен сидел в своей темной келье и писал донос на царя Бориса. Приборы — те же летописцы, ничего не ускользнет от их взгляда. Они не устают — пишут и пишут донос на мастера. Шихта сделала осадку — записали, понизилось дутье — записали. У Пимена были пристрастия, у этих — никакого. Что им до переживаний коммуниста, члена парткома Михаила Паньшина! А когда у человека дело не клеится, то ему не очень хочется разговаривать. Мы это заметили, простились с ним и перебрались на первую домну.

Опять встреча с земляками. Показалось, что я не в Череповце, а в Сталинске. Я увидел мастера Ивана Андреевича Новикова, а потом подошел еще один кузнечанин — обер-мастер...

— Ольховиков,— подсказал он мне свою фамилию.

— Постойте, постойте! В списке награжденных металлургов я, кажется, видел такую фамилию.

Обер-мастер засмеялся:

— Правильно!

Прямо сказать, в этот момент Анатолий Иванович Ольховиков меньше всего походил на Героя Социалистического Труда. На вид он был моложе своих сорока пяти лет. Дела на этой домне шли хорошо, придирчивые «летописцы» не ябедничали, не портили ему настроения, и его оживленное лицо, освещенное пламенем, было вдохновенно.

Выпуск чугуна — зрелище изумительное. Около летки появляются горновые, молодые ребята с разгоряченными лицами. Они наваливаются на бурмашину, сверло уходит в глубину домны. Но просверливать летку до горячего металла нельзя: можно испортить сверло. Бурмашина отплывает в сторону. Просверленное отверстие продувают сжатым воздухом. Из летки вылетают клубы черной пыли. А в руках горнового уже стальной шомпол. Он с силой пробивает оставшуюся перемычку. Момент опасный. Удар, еще удар. И вот из-под шомпола вылетела голубая звездочка, за ней — стайка звезд. Горновой отскакивает в сторону, и вовремя: литейный двор озаряется пламенем. Металла еще нет, он еще в горловине летки. Слышится его нетерпеливый клекот. Наконец он вырывается и, потряхивая львиной гривой, бежит по глубокой канаве к обрыву, где стоит ковш. Лица доменщиков озарены. Горновые смахивают с лиц капельки пота. Чугун будет течь долго. За это время можно о многом поговорить.

Разговор шел о Сталинске. Сравнивали сибирский климат с вологодским. Вспоминали общих знакомых. Зашла речь о Михаиле Привалове, которому тоже присвоили звание Героя Социалистического Труда.

— Он здесь был,— сказал Анатолий Иванович.

— Зачем?

— Пускал первую мартеновскую печь.

— Везет вашему заводу.

— Почему?

— Вся страна помогает ему встать на ноги.

— Это верно. Раньше Юг помогал Уралу и Сибири, теперь они — Северу.

Анатолия Ивановича отвлекли. Осмотревшись, я увидел двух юношей лет по двадцати. И опять мне показалось, что я уже где-то видел одного паренька с едва приметным пушком над верхней губой, с живыми, вдумчивыми глазами. Не в Сталинске же! Для давнего знакомства он слишком молод. Я подсел к нему.

— Поступать на работу пришел? — спросил парень.

— Поступать,— с улыбкой солгал я.— Как у вас тут?

— Работать можно.

— А ты где работаешь?

— А мы вон с тем парнем слесари-чеканщики. Работа у нас горячая. Вот сойдет чугун, начнем броню около летки заделывать. А то газ начал проходить...

И тут я вспомнил, где видел это умное лицо. Несколько часов назад оно глядело на меня с комсомольской доски почета. Но там Алексей Кошелев был в праздничном пиджаке, при галстучке, а здесь на нем жесткая брезентовая курточка.

— Ну, нам пора! — сказал он и поднялся.

В этот день мы обошли почти весь завод и возвращались домой усталые. Мой товарищ немного приотстал. Метров за двадцать до проходной я услышал позади себя его смех. Оглянулся. Он стоит около красного щита и смеется. Этот человек все наше путешествие обращал внимание только на крупные объекты, достойные двух фотоаппаратов, висевших на его плече. И вдруг его заинтересовали щиты, на которых отражалась уже известная нам программа строительства.

Пришлось вернуться к щиту и мне. Посмотрел один щиток, второй и тоже рассмеялся. Все было планом предусмотрено на девять лет вперед. В 1959 году, например, предполагается построить две мартеновские печи, а вместе с ними двое яслей и два детсада; в 1960 году — доменную печь, две мартеновские печи, а вместе с ними опять двое яслей и два детсада; в 1961 году — мартеновскую печь, электропечь, а детских учреждений опять четыре! И так из года в год.

— Тут ошибки не будет! — сказал мой товарищ.

Действительно, во всех цехах, где мы были, работала молодежь. И мы пришли к убеждению, что череповецкие пропорции правильные.

Мастер доменного цеха Череповецкого металлургического комбината М. Паньшин наблюдает за выплавкой чугуна.

С НОВОСЕЛЬЕМ, ДОРОГИЕ КИЕВЛЯНЕ!

Б. ДМИТРЕНКО

Фото Дм. Бальтерманца и Н. Козловского.

Новый дом... Начисто вымыты окна, до блеска натерты полы. Гостеприимно раскрыты свежеокрашенные двери. Дом готов принять под свою кровлю товарищей жильцов...

Таких домов в Киеве сотни. Их белокаменные массивы видите вы и на бывших пустырях Чеколовки, и под высокими соснами Дарницы, и на далеком Сырце, и на Ветровых горах.

В столице Украины Октябрьский праздник нынешнего года совпадает с пятнадцатилетием освобождения города от гитлеровских оккупантов. Пятнадцать лет назад лежал в развалинах Крещатик. Тысячи домов были разрушены захватчиками. Киев не только возрожден из пепла и руин — столица Украины растет изо дня в день. Город наступает на окрестные пустыри. Во все стороны от центра уходят вдаль новые жилые кварталы. За 15 лет киевляне восстановили и построили 2,5 миллиона квадратных метров жилой площади.

Мы приглашаем читателей «Огонька» присутствовать при заселении одного из многих сотен новых киевских домов. Дом, о котором мы расскажем, заселяют рабочие киевского завода «Большевик». Октябрьский праздник и пятнадцатилетие освобождения столицы Украины совпадают у металлистов «Большевика» с шумным и счастливым новосельем.

Вот этот дом. Лишь вчера его покинули строители. Впрочем, некоторые еще остались на бывшей стройплощадке, чтобы снести эту хибару, в которой жил Василий Емельянович Герасимов. Теперь он получил квартиру в новом доме, на восьмом этаже. А старое жилье, как видите, пошло на слом.

С утра бывшая стройплощадка, а теперь заасфальтированный двор нового киевского дома стал шумным плацдармом, откуда новоселы пойдут на «штурм» лестничных клеток...

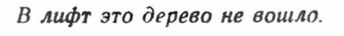
Торжественная минута. Вручен ключ от квартиры.

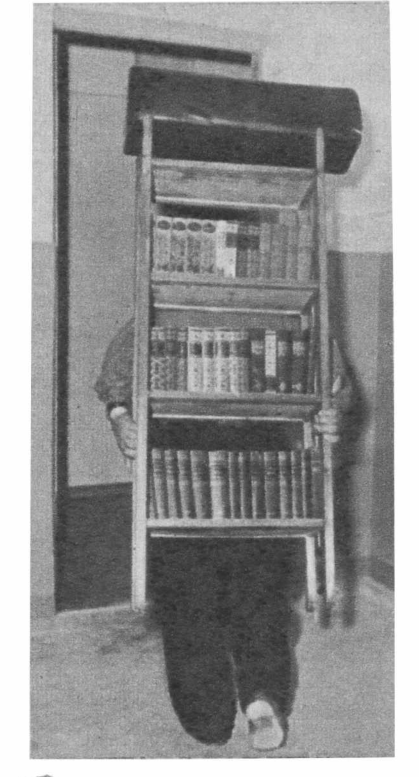

Не перечесть тревог веселых,
Кипучих, радостных забот!
И наш рассказ о новоселах
С того, пожалуй, и пойдет.
Стоят машины на панели.
Опущен борт... Буфет и стол,
Шкафы, диваны и постели
Сгружай, товарищ новосел!
Хлопот полно, и радость в сердце,
И смех и шутки на бегу...
Шофер выходит, хлопнув дверцей:
— Давай, хозяин, помогу!

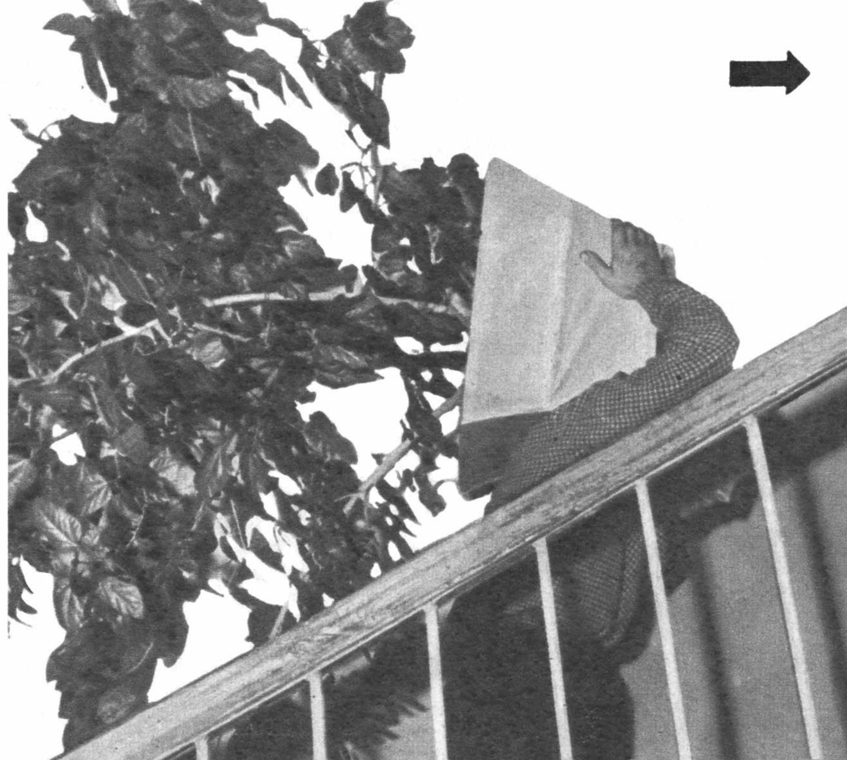
Самый шумный новосел...

Вполне по силе человеку
Нести свою библиотеку!..

В лифт это дерево не вошло.

←

Какой по счету наш балкон?
Вот этот... Он или не он?

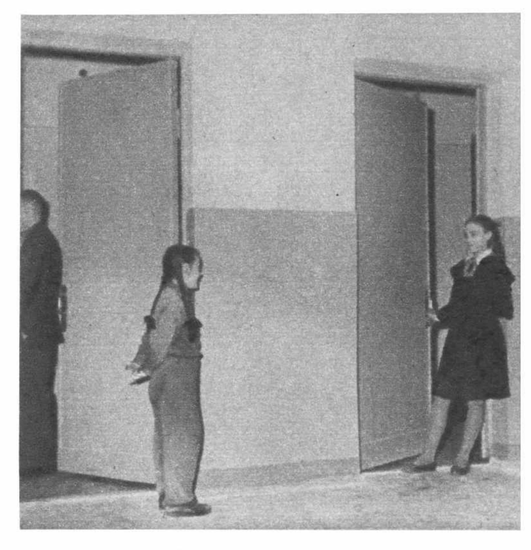
— *Вот мы и дома!*

Асфальт хорош, как раз для нас,—
Переходи из класса в класс!

Мы тоже, прямо говоря,
Как эти три богатыря...

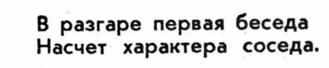

Живем мы на одной площадке...
Уже знакомы. Все в порядке!

Где станет стол? Поближе к свету?
Где, скажем, коврик положить?..

Придется нам проблему эту
Коллегиально разрешить!

В разгаре первая беседа
Насчет характера соседа.

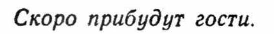

В яслях тоже принимают новоселов.

Как ни храбрился, ни крепился,
Но, сделав много важных дел,
Под вечер парень уморился,
Сон новосела одолел...

Скоро прибудут гости.

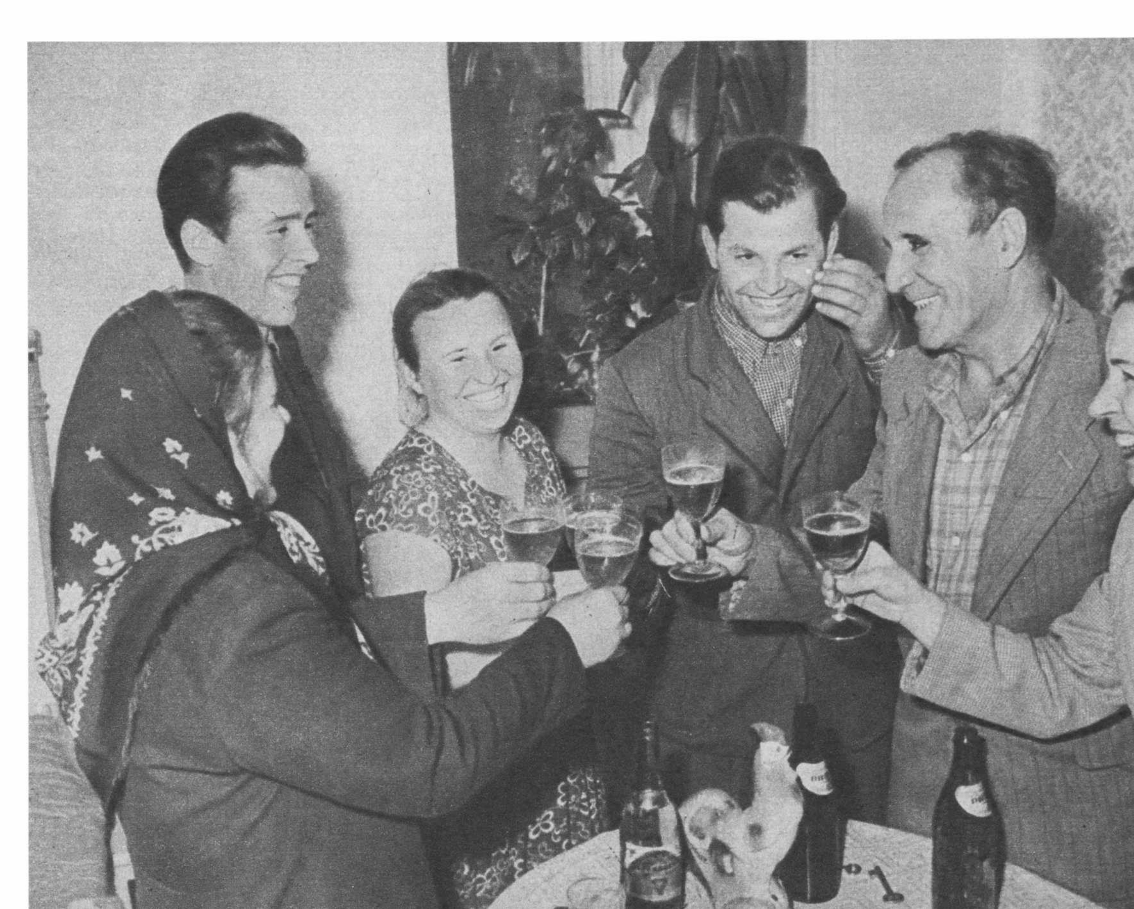

Наташа Гнедовская и Виталий Зайончковский справят в новой квартире сразу и новоселье и свадьбу.

Друзья, соседи мы отныне!
Так пусть бокалы зазвенят!
Подняв бокал, на Украине
Обычно «будьмо!» говорят.
Что ж, «будьмо»! Будем в доме этом
Мы все здоровы и дружны!

Пусть в окна светит ясным светом
Нам солнце правды и весны!
И за большое счастье наше
Мы славим Партию навек
За то, что с каждым годом краше
Живет рабочий человек!

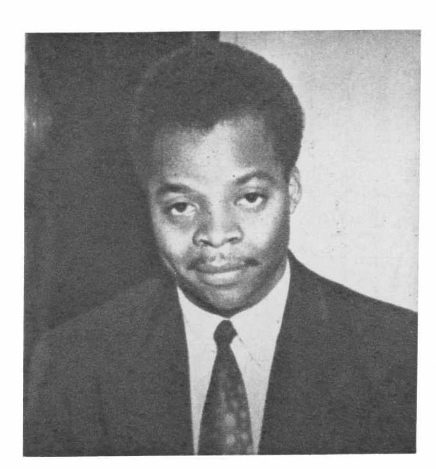

Прием в Большом Кремлевском дворце в честь участников Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки. На снимке: Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев выступает перед участниками конференции.

Фото А. Новикова.

ВЕТЕР ОКТЯБРЯ

Бенжамен **МАТИП**

(Камерун)

Что чувствует человек, который впервые, как я, очутился в Советском Союзе? Тем более человек из далекой Черной Африки?

После исторической конференции в Ташкенте мы в течение недели гостили в столице вашей Родины — Москве. Перед нами распахнула гостеприимно двери великая страна. Она предстала во всем блеске ее поразительных достижений, к которым пришла новым историческим путем — путем социализма. Нас радушно приняло правительство великого Союза Советских Социалистических Республик, устроившее в нашу честь прием в Большом Кремлевском дворце. И два чувства охватывают пришельца из знойного Камеруна: удивление и восхищение.

Но и в эти минуты я не могу не думать о моей родной, любимой Африке. Ее горькая судьба если не во всем, то во многом напоминает судьбу русской земли в не столь уж далекие времена — менее чем полстолетия тому назад. В самом деле, несмотря на неисчислимые богатства своих недр, на талант и трудолюбие своего народа, Россия оставалась отсталой страной, стонущей под тираническим игом царей, отданной на разграбление хищникам иноземного капитала.

Всего только сорок один год — ничтожно малый отрезок истории — потребовался, чтобы изменилось в корне лицо гигантской страны. И как изменилось! Сегодня, в 1958 году, Советский Союз стоит во главе прогресса всего человечества, и все новые и новые факты красноречиво свидетельствуют об этом. Там, в недрах Черной Африки, мы с восхищением узнали, что Советский Союз первым в мире отправил в мировое пространство искусственный спутник Земли, открыв для человечества эру завоевания космоса и межпланетных путешествий. Первым Советский Союз создал межконтинентальную баллистическую ракету, которую узколобые и злобные слуги империализма назвали «абсолютным оружием», но которая для миролюбивого человечества остается символом победы над пространством и временем на нашей планете. Советский Союз первым поставил могучую и грозную силу атомного ядра на службу мирным потребностям людей.

Но в этой стране совершилось и нечто большее, что особенно запало в душу нам, людям Черной Африки. Здесь упали цепи рабства, сковывающие человека, и создано общество, в котором человек человеку больше не волк. Здесь впервые в истории возникло государство простых людей, построенное на фундаменте революционной науки Маркса и Ленина.

Вот мысли, которые охватывают меня на советской земле.

Для нас, в Черной Африке, Октябрьская революция была и остается зарей новых времен, нашей будущей свободы. Черная Африка — вы хорошо это знаете — живет еще в цепях колониальной неволи. Ее богатства присваивает себе ничтожное меньшинство колониальных грабителей. То, что добывается в ее недрах, уходит за далекие моря и пополняет военные арсеналы империалистов. Пот и кровь наших людей — вот источник сказочных богатств, которые создают себе колонизаторы. Так обстоит дело с экономикой моей родины. А политически? — спросите вы. Политически это зона разнузданного расизма, попирания человеческого достоинства, кровавых расправ, господства каторжных законов.

Но ветер Октября долетел и до наших далеких земель.

Мы в Черной Африке восприняли Октябрьскую революцию как похоронный звон по империализму и колониализму. Кто из нас, детей Африки, может забыть великую книгу Ленина об империализме!

Наша заветная мечта — сбросить цепи иноземного господства, создать новую Африку руками ее народов и для ее народов, Африку, в которой не будет больше места грабителям и эксплуататации, современную Африку, счастливую, процветающую, которая сможет следовать великому примеру Советского Союза.

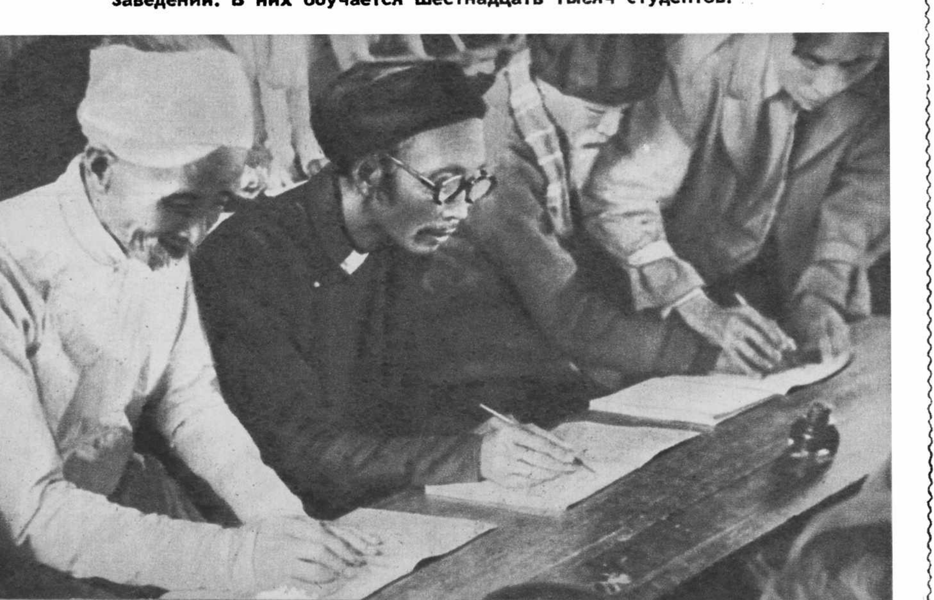
Мы тоже хотим, по примеру Советского Союза, в короткие исторические сроки вымести с нашей земли грязь и мусор колониализма, а все богатства наших народов положить в основу возрождения. Мы хотим занять достойное место в содружестве свободных народов.

Чтобы разорвать порочный круг колониализма, чтобы излечить Африку от злокачественной опухоли иноземного господства и сделать наши города и села счастливыми, у нас есть только один путь — это путь, указанный Великим Октябрем.

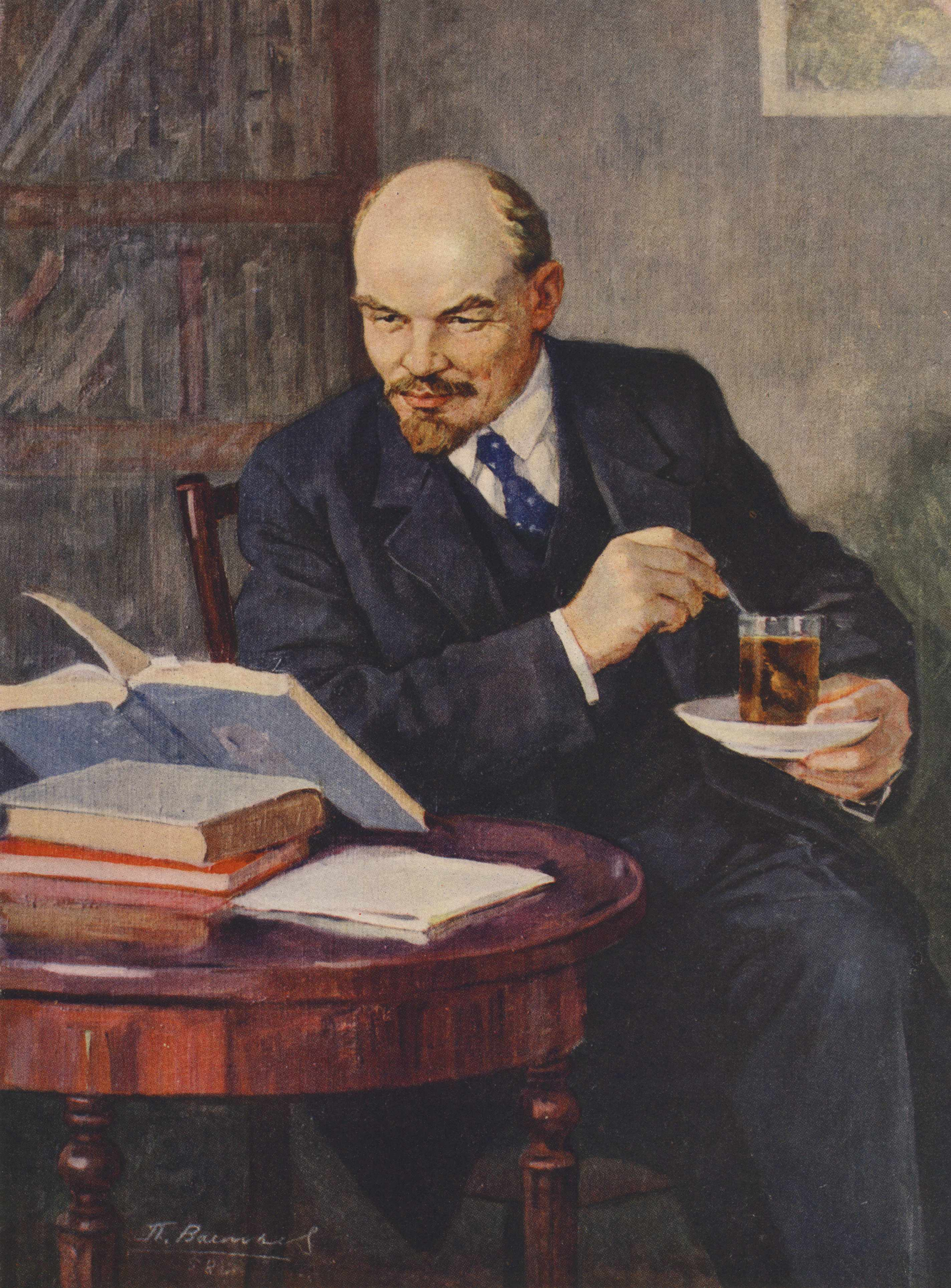
Миллионы за книгой

Посмотрите на этот снимок: убеленные сединами старцы усердно выводят буквы на бумаге — первые буквы в своей долгой и трудной жизни. Эти старики — последние из тех миллионов вьетнамцев, которых колониальный режим держал в темноте и невежестве. Подумать только! Девяносто четыре процента населения страны до Августовской революции 1945 года не умели писать и читать. А ныне? Ныне, к концу этого года, во всем Северном Вьетнаме не остается ни одного неграмотного. Только за последние три года более миллиона человек научились читать и писать.

Став истинно массовым явлением, движение по ликвидации неграмотности бурно прокатилось по всей территории ДРВ. По сравнению с числом учащихся в довоенном Индокитае количество учеников начальной школы удвоилось, а средней школы — возросло в десять раз. Вместо нескольких школ и одного вуза при колониальном режиме сейчас в ДРВ открыто шесть высших и четырнадцать средних технических учебных заведений. В них обучается шестнадцать тысяч студентов.

П. В. Васильев. В. И. ЛЕНИН.

Т. Ш. Яшаев. НЕФТЯНИКИ КАСПИЯ (Смена).

Я. В. Серов. КАК ПРОЙТИ В СМОЛЬНЫЙ?

МОГУЧАЯ ВОЛНА СОЗИДАНИЯ

Мих. **ДОМОГАЦКИХ**

Осень — лучшая пора года в Пекине. Тронутый желтизной зеленый наряд парков сливается с золотистыми крышами старинных дворцов, мрамором каналов и мостов. Прозрачен воздух. Как сквозь стекло, видны вдалеке воспетые в стихах горы Сишань.

Но в облик сегодняшнего Пекина все больше вторгается новое, показывающее рост его и молодость. На улицах и площадях хозяйничают люди, которым поручено фактически создать новый город.

Один наш знакомый китайский архитектор сказал:

— Пекин, к счастью, избежал анархической застройки капиталистических городов. И ему очень легко будет шагнуть из средневековья в социализм.

Пекин был всегда уютным одноэтажным городом с узкими улочками. Нередко здесь можно наблюдать картину, когда, встретившись в переулке, повозка и машина не могут разминуться. Тогда выходит из кабины шофер и вместе с возчиком обсуждает, кому удобнее подать назад или плотнее прижаться к стене.

За последние годы во всех районах Пекина появились большие многоэтажные дома. Но центр столицы оставался таким, каким был и много десятилетий назад. Теперь решено реконструировать основные магистрали, превратить их в широкие, прямые и зеленые проспекты и бульвары, застроенные многоэтажными зданиями. Вокруг площади Тяньаньмынь уже освободилась территория в несколько десятков гектаров. Вправо и влево от площади по проспекту Чаньаньцзе идет подготовка к сооружению административных и жилых зданий, театров и гостиниц.

Уже давно стало тесно городу в его старых рамках, и он шагнул за городскую стену, длина которой по кольцу превышала 30 километров. Стена, служившая когда-то оборонительным сооружением, утратила свое значение. Сейчас тысячи людей в различных частях города разбирают ее.

К десятой годовщине КНР Пекин преобразится. С центральных улиц исчезнет трамвай. Его заменят троллейбусы и автобусы. На дальних подступах к столице, там, где расположен угольный район Цзинси, началось создание большой лесозащитной полосы, которая остановит ветры и пески, несущиеся в город каждую весну с лессового плато и из пустыни Гоби. Зеленая площадь, которая окружит Пекин, составит миллион му.

В Пекине строится и расширяется 126 промышленных объектов: металлургические, химические, энергетические, машиностроительные, алюминиевые предприятия. К концу года станкостроительные заводы уже будут давать сто видов новых станков...

Пекин — лишь частичка великого Китая, на земле которого под водительством коммунистической партии идет сейчас такой процесс преобразования, какого никогда не знала история этой древней страны.

Недавно я побывал в провинции Хэнань, которая считается колыбелью китайской цивилизации. В Лояне, одном из древнейших городов мира, строится тракторный завод. Лоянский тракторный — гордость страны, детище советско-китайской дружбы — скоро будет сдан в эксплуатацию, он уже и сейчас дает народному хозяйству тракторы. С нами вместе завод осматривали юноши и девушки, представители национальностей буи, дун, гэлао, мяо, хуэй. Они засыпали вопросами начальников цехов, ощупывали руками сложные станки и агрегаты, все, что попадало в поле их зрения. Неописуемый восторг вызвала у них сборка трактора.

Древняя стена, окружающая Пекин, скоро исчезнет.

— Многие из нас никогда не видели трактора,—сказал нам глава делегации Ян Бяо-гуй.— На языке наших народностей даже не было такого слова. Когда мы раньше слышали рассказ о «железном буйволе», мы думали, что это хотя и хорошая, но все-таки сказка. А теперь увидели сказку своими глазами. «Железный буйвол» скоро придет и в наши горы!

...Если бы спросили, что сейчас особенно характерно для китайского народа, я бы, не задумываясь, ответил:

— Небывалый революционный энтузиазм и могучая волна созидания.

В Пекине, в огромном дворце, открыта Всекитайская выставка промышленности и транспорта. Каждый из пятнадцати ее павильонов — это рапорт огромных побед народа в строительстве социализма.

Металлургия! Весь народ поднят на то, чтобы добиться в этом году 10 миллионов 700 тысяч тонн стали. Увеличение производства стали в два раза по сравнению с прошлым годом — это невиданные темпы. В нынешнем году Китай стал производить 128 новых марок стали!..

Надо видеть, с какой энергией, с каким подъемом строит сейчас народ мелкие металлургические предприятия, чтобы выполнить задание партии по металлу. Плавильные печи местного типа, небольшие домны, конвертеры и прокатные цехи появились буквально по всей стране. Нет уезда, района, народной коммуны, где бы не плавился металл.

Выставка показывает, что нынешний год — второй год второй пятилетки — был чрезвычайно плодотворен для китайских машиностроителей. Машиностроители смело осуществляют техническую революцию. Они освоили несколько марок автомашин и тракторов, новые виды станков и энергетического оборудования. Среди них — блюминги и гидравлические прессы, турбины и котлы высокого давления, судовые дизели и буровые установки, машины для горнорудной промышленности, комплектное оборудование для текстильных фабрик, телевизионные передатчики, электронные приборы, рентгеновские аппараты и высокочастотные электропечи. Ни одного из этих и еще многих видов продукции не выпускалось и не могло выпускаться в старом Китае!

...Помню зал Хуайжэньтан, где проходил очередной съезд китайских профсоюзов. Товарищ Лю Шао-ци от имени партии выдвинул задачу — за 15 лет или немного более догнать Англию по производству черных металлов и других важнейших видов промышленной продукции.

— Фантазия! — произнес тогда корреспондент агентства Рейтер.

Но вот не прошло и года с тех пор, как были сказаны слова, а лозунг уже претерпел изменения. Сейчас уже никто не говорит о 15 годах. Все верят, что это будет сделано значительно быстрее.

В этом году добыча угля составит 210 миллионов тонн вместо 120 миллионов тонн в прошлом году. Для такого увеличения добычи Англии потребовалось три четверти века, и после этого она уже много лет топчется на одном уровне. В будущем году Китай по добыче угля оставит Англию далеко позади.

В Китае есть старинная пословица: «Если три человека будут едины в своих действиях, то они и глину могут превратить в золото». Партия коммунистов сплотила воедино 600 миллионов человек, твердо решивших в самое короткое время превратить Китай в великую, могучую социалистическую державу.

Малая металлургия. Плавильные печи, построенные крестьянами и учащимися (провинция Хэнань).

Василек

Поэма

Микола **НАГНИБЕДА**

Рисунки Ю. **РЕБРОВА.**

1

...Хоть и гремели контратаки
И воздух порохом пропах,
А все же васильки и маки
Пестрели в зреющих хлебах.

Они цвели средь дыма-грома...
А степь в туманной пелене
С мальчишьих лет еще знакома
Была морскому старшине.

И к ней Левчук спешил с боями.
И вот она — ей нет конца!..
Пехота флотская хлебами
Ломилась к берегу Стрельца.

Вот на степном пологом склоне
Команда новая дана.
И снова первым в батальоне
Пойдет в атаку старшина.

Сигнал... Ракета... И стеною
В рост полный встали моряки.
И покатился рокот боя
К далеким отмелям реки.

И в поле сталь свистит сердито,
Дым черный рвется в высоту...
Левчук упал в густое жито,
Как сокол, сбитый на лету.

Что это? Градом сбит
свинцовым?
Нет... Не ударил пулей враг!
Споткнулся в жите васильковом
О тело женщины моряк.

Взял руку —холодна, ледышка!..
Послушал сердце — нет, молчит.
А рядом с матерью мальчишка
В лазурных зарослях лежит.

У мертвой косы светло-русы
И блузка вышита крестом...
Знать, голод гнал из Беларуси
Крестьянку с маленьким
сынком.

Левчук взял на̀ руки мальчонку,
Как дочь свою в былые дни,
И заглянул в глаза ребенка —
Слезами залиты они.

Глазенки — синие туманы.
А тельце — гибче тонких лоз...
За что ж ему четыре раны
Принять так рано довелось?..

И в первый раз не по уставу
В боях испытанный солдат
Шел не вперед, на переправу,
А от огня пошел назад.

Пригнувшись, побежал хлебами
И ношу легкую берег...
Бежал туда, где за садами
Виднелся дальний хуторок.

Когда леском бежал он звонким,
Ему казалось, что лесок
Пел колыбельную ребенку:
«Эх, Василек ты, Василек!..»

И ленты бескозырки черной,
Как ласточки, над Васильком.
И он следит за их проворным
Полетом в небе голубом.

А старшина той милой ноше
Все говорит: — Не плачь,
сынок!
Уж потерпи ты, мой хороший!..
Эх, Василек ты, Василек!..

...Вошел в хатенку:—Есть живые?
Но пусто в хате нежилой,
Хоть далеко в края степные
Уже умчался жаркий бой.

Из-под земли:
— Иду, сыночек...
Что хочешь, добрый человек?
И вышла из подземной ночи
Хозяйка, белая как снег.

К матросу: — Наши! Слава
богу!..
Пришли... Принес, никак, сынка?
— Мать, окажи-ка мне
подмогу,
Нашел я в жите Василька...

Хозяйка мечется по хате,
Туда бросается, сюда...
И вот — матрасик на кровати
И в печке греется вода...
И на бинты рушник порвала,
Травы напарила для ран:
— Ты, мать, в лекпомах
не бывала?
— А как же!.. Дед мой —
партизан.

И забинтованный, умытый,
Заснул мальчонка в тишине.
— Мать, за парнишкой
пригляди ты...
Тебе он — внук, сыночек — мне.

И, как давным-давно знакомой,
Шепнул хозяюшке седой:
— Дочурку я имею дома,
А Василек — мой фронтовой...

Он сирота, один на свете,
Усыновить хочу его,
Чтоб в День Победы мальчик
встретил
Меня, как батьку своего.

Пусть о сиротстве он не знает.
Учи, что в армии отец,
Что мать на службе
пребывает,
В поездке дальней... И конец.
Все разумеешь?
А проснется,
Начнет допытываться внук...
Жена Марией зовется...
Я ж старшина Иван Левчук.

Моряк разделся, снял
тельняшку,
Хозяйке отдал: — Из нее
Пошей наследнику рубашку,—
Пусть сердце чувствует мое!
Как, мать, зовут?
— А я Тетеря.
Здесь, в Пе́сках, отроду, сынок..
— Чтоб не забыла, я на двери
Поставлю почты номерок.

Кинжалом на сосновом брусе
Нарезал цифры — почты знак,
Кивнул ребенку и бабусе,
Переступил порог моряк,
И, в ножны опустив кинжал,
Вдогон за громом побежал.

2

Хоть лет немало миновало,
Но признаю́сь, что и сейчас
Глухая ночь, грозы кресало
Мне вспоминаются не раз

Не потому, что гром гремучий
Тряс в эту ночь прибрежный
край,
И, словно подожженный тучей,
Все время вспыхивал Дунай.

Не потому, что берег дальний
(Тогда враждебный и чужой)
Не зажигал огонь сигнальный
И предвещал нелегкий бой.

А потому, что, наступая,
На берега родной земли
Пришла дивизия родная,
В порты вернулись корабли...

И на дорогах Аккермана
Жгло солнце и вставал пожар.
На гребень свежего кургана
Ложился дым Татарбунар.

Свободы радостные
слезы,
И взлет знамен — багряных
крыл —
Все принесли тогда матросы
В родной и славный Измаил.

И сразу, отдыха не зная,—
Их люди ждут, Балканы ждут! —
Умывшись водами Дуная,
Опять пошли на ратный труд.

И наводили переправу,
Дунай спешили переплыть,
Чтоб не ушел тот враг
кровавый,
Какого надобно добить.

Душа священная солдата
Передо мной сияет вновь.
Горят в ней ярость, и расплата,
И к обездоленным любовь.
Ее терзали гнев и раны,
По другу павшему печаль...
И смотрят свежие курганы
В дунайскую седую даль.

В них спят бойцы с душою
чистой,
Над ними — бронза и гранит,
Над ними правда коммунистов
Бессмертным пламенем горит.

И пусть стоят в почетной страже
У изголовья сотни лет
И наша честь, и доблесть наша,
И слава воинских побед!

Пусть розы росами над ними,
Как вдовы, плачут в головах.
Я тех бойцов знавал живыми
На измаильских берегах.

В ту ночь под гулкими громами
Мне рассказал моряк Левчук,
Как там, под Лоевом, хлебами
Он шел в атаку. И как вдруг

Нашелся внук у Тетерихи,
А у него — приемный сын.
И вспомнил воин хутор тихий
Средь перелесков и равнин.

Читал я письма тыловые,
В которых ласково малец
Царапал буковки кривые:
«День добрый и привет, отец!..»

И знал я, верилось матросу,
Что прозвучит в желанный срок:
«День добрый, здравствуй, мой
курносый,
Ты ждал, и я пришел, сынок!

Ты извини уж за разлуку,
Не загулял я, был в бою».
И Василька бы взял за руку,
Взял да привел в семью свою...

То было на ночном откосе...
Но ясно вижу, как сейчас:
Встал, прыгнул старшина
к матросам
На отплывающий баркас.

Весь батальон матросский
в сборе —
Гряда плотов, шаланд, фелюг...
И в час, когда рождались зори,
«Пошли!» — скомандовал мой
друг.

Пошли... И в тьму ладьи уплыли,
Пошли матросы на врага.
И только буря в полной силе
Волной долбила берега.

К Дунаю тьма прижалась туго,
И вскоре скрылся в ней баркас.
И я не знал, что руку друга
В ту ночь пожал последний раз.

Не знал, что камнем у прибоя
Моряк свалился на песок,
Что будешь дважды сиротою
Ты, белорусский Василек.

3

Уж много времени прошло,
Годин и радости и горя.
Не раз, поднявшись на крыло,
Ключ журавлей спешил за море,
И Днепр разлившийся кипит...
Как время мчится, как летит!

Над синим утренним Днепром
Иду на Лоев вербняками.
Кургана древнего шелом
Вдали вздымался над хлебами.
Хлебов высокая волна
Была к речной устремлена.

Я вдаль смотрю не
насмотрюсь:
Какая светлая картина!
Начнется где-то Беларусь
И завершится Украина...
Но незаметны в море ржи
Республик наших рубежи.

Лишь стайка тоненьких берез,
Что средь полей стоит, белея,
Да лес, взбежавший на откос,
Что малость нашего темнее,
Укажут путнику порой
В хлебах тропу границы той.

Но здесь такие ж васильки,
Не хуже наших и не краше,
И трактористы-пареньки
Поют о том же, что и наши.
Пойду туда я прямиком,
Где виден мне далекий дом.

Не заблудился ли я тут?
Тревожусь: не ошибка ль
вышла?
Нет... Вот и яворы растут...
Вот на подворье рдеют
вишни...
Чья это дочка у ворот
Стоит одна, кого-то ждет?

Спросил: — Тетери здесь живут?
— Живут. А вы кого хотели?
— А Васильком кого зовут?
Глаза девичьи посветлели:
— Да это ж братик мой...
Левчук!
Он бабки Тетерихи внук...
Не заблудился. Сердце мне
Дорогу верно подсказало.
Здесь, в белорусской стороне,
Умылся я, ходок усталый.
И чистый вышитый рушник
Подал мне старый лесовик.

Казалось, что родня вокруг,
Я свой в усадьбе этой тихой.
Как будто прибыл давний друг,
Захлопотала Тетериха
И пирожки, холодный квас
На стол поставила тотчас.

А над столом — портрет
большой.
Здесь, в белорусской доброй
хате,
Левчук, мы встретились с тобой.
Ты в черном форменном
бушлате.
Могуч широких плеч размах.
Улыбка светится в глазах.

Казалось, спрашивал моряк:
«Как, друг, ты прожил годы эти?
Как дочка? Сын приемный как?
Не одиноки ли на свете?
И как ты выполнил, живой,
Завет, наказ предсмертный
мой?»

Хотел ответить я, как брату:
«Стремился сделать все, что
мог...»
Но в это время входит в хату
В спецовке стройный паренек.
Схватилась бабка: — Это внук!..
А тот, смеясь: — Василь Левчук.

Мы с ним сидели до рассвета
Не за столом, не за вином,
А под созвездьями, что летом
Так ярко светят над Днепром.

И слушал нас костер неяркий,
И жался к травам сизый дым,
Когда неслись о битве жаркой
Воспоминания над ним.

Молчал огонь в костре
сосновом,
Бледнел и чутко слушал нас.
И здесь простым, нехитрым
словом
Василь Левчук повел рассказ:

— Учился, батьку ждал с войны,
Ждал мать из дальней стороны...
Но только нет их и поныне...
И лишь на днях, к большой
кручине,
Бабуся все мне рассказала,
Поведала мне обо всем:
Как мать средь васильков
лежала.
Ее могила — за селом.
Из-за Дуная старшине
Не слать сердечных писем мне.

Но из бабусиных рассказов
Воскрес и ожил старшина.
И я его представил сразу.
Он мне, как сыну, все сполна

Оставил в дар: и честь и славу,
Как батько мой, как лучший
друг.
Я взял в наследство всю
державу,
Пал за которую Левчук.
И верен я его завету,
Храню я в сердце правду эту.

Мальчонкой я мечтал навеки
Прославить батькины пути.
В мечтах смирял я злые реки,
Стремился залежи найти.
Но жизнь помалу научила,
Как нам беречь свою мечту,
Что без труда мечта бескрыла,
Ей не подняться в высоту,
Что крылья той мечты крепки,
Когда те крылья — две руки.

Учился в школе вечерами,
А днем трудился я в селе,
Я строил хаты с мастерами
На милой сызмала земле.
На новоселье всем по праву
Нам честь повсюду и везде.
Так Левчука-героя славу
Умножить я хочу в труде.

И все ж бессонными ночами,
Бывало, часто думал я,
Блуждал далекими краями:
«Где ж Левчука живет семья?»
Знать совесть хочет неотложно:
Что сталось после гроз войны?
Я стал искать, где только
можно,
Жену и дочку старшины.

И вскоре весточка пришла,
И снарядился я в Санжары...
Я помню, чуть не полсела
На пристань шло, на крутояры.
Кто мед принес, а кто — грибов,
Кто — полотна работы тонкой.
Все это в дар для Левчуков,
Для матери и для сестренки.
И люди так сказали тут:
— Зови, пускай у нас живут!

Людьми угадано желанье,
Что в сердце я таил своем!
Вот и рассказа окончанье.
Лишь молвить следует о том,
Как я родню забрал с собою,
Как братски Лоев встретил нас.
Я вместе с матерью,
с сестрою —
Семья единая сейчас.
И лен растит сестра моя,
И сам колхозный плотник я.

Упали на озера гуси.
Над синевой большой реки
Запели песню Беларуси
Полесские плотовщики.

Я шел на пристань вербняками,
Над тихим утренним Днепром,
А Василек уже с дружками
В колхозе строил новый дом,
Тот дом, где будет изобилье,
Под кровлей — счастье, свет —
в окне...

И две руки, как птичьи крылья,
Видны все время были мне.

Лоев — Киев.

Перевел с украинского
Бор. ПАЛИЙЧУК.

Согласие получено

Рассказ

Эдмундо **ВАЛАДЕС**

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Автор — известный мексиканский журналист, один из ведущих сотрудников газеты «Новедадес», участник движения за мир. В 1956 году посетил СССР.
Рассказ взят из сборника «La muerte tiene permiso» (1955 г.).

За столом президиума на эстраде сидят государственные чиновники. Они беседуют. Смеются. Хлопают друг друга по спине, отпускают шуточки. Рассказывают сальные анекдоты, соль которых всегда горчит. То, что происходит в зале, пока не привлекает их внимания. Кто-то еще вспоминает последнюю попойку, смущение девушки, впервые попавшей в публичный дом, завсегдатаями которого все они являются. И только затем темой их разговора становятся находящиеся сейчас перед ними в зале эхидатарии [1], созванные на общее собрание земледельцев.

— Да, мы должны их высвободить. Необходимо приобщить их к нашей цивилизации, очистив снаружи и сделав грязными в душе...

— Однако вы скептик, инхеньеро [2]. Кроме того, ставите под сомнение наши усилия, усилия нашей революции [3].

— Ба! Напрасный труд. Эти люди неисправимы. Они насквозь пропитаны алкоголем, невежественны. Что дала им, например, раздача земли?

— Вы, товарищ, слишком поверхностно смотрите на вещи или просто заражены пораженчеством. Мы сами в этом виноваты. Мы дали им землю. Ну, а дальше что? Мы выполнили свой долг и удовлетворены. А кредиты, удобрения, техника, новые сельскохозяйственные машины... Что, по-вашему, они должны их сами изобретать?

Председатель общего собрания, с усердием покручивая торчащие кверху тараканьи усы, наблюдает сквозь очки. Он не принимает участия в пустой болтовне чиновников. Когда терпкий дух тех, кто устраивается на скамьях, начинает щекотать его обоняние, он вытаскивает носовой платок размером с простыню и громко сморкается. Он тоже был крестьянином, но много лет назад. Теперь город и служебное положение оставили от прошлого лишь огромных размеров носовой платок да шероховатые руки.

Те, кто внизу, рассаживаются торжественно, с той сосредоточенностью, что так присуща человеку поля, попавшему в закрытое помещение, будь то собрание или храм. Говорят они вполголоса, и слова их об урожае, дожде, скотине, кредитах. Многие с котомкой на плече, этой вечной подругой неимущего странника. Кое-кто курит, обстоятельно, не спеша. Сигареты будто приросли к их пальцам.

Другие стоят, прислонившись к стене, скрестив руки на груди, и терпеливо ожидают начала.

Председатель поднимает звонок, и звук его прекращает перешептывания. Первыми берут слово чиновники. Они говорят об аграрных проблемах, об улучшении сортности семян и обработки земли, о необходимости увеличить посевы. Они обещают оказать помощь эхидатариям и призывают их поделиться своими нуждами.

— Мы желаем помочь вам, рассчитывайте на нас.

Теперь очередь за теми, кто внизу. Председатель приглашает их высказаться. Вверх боязливо тянется рука. За ней следуют другие. Крестьяне говорят о своих бедах: о воде, о касике [4], о кредите, о сельской школе. Одни прямолинейны, лаконичны, другие запутываются, объясняют с трудом, почесывают затылок, поворачиваются лицом к залу, чтобы вспомнить, о чем же шла речь, словно то, о чем они намерены были сказать, запряталось в каком-то из углов, в глазах кого-либо из товарищей или на потолке, где висит люстра.

Вот в одной из групп зашушукались. Все они односельчане. Их беспокоит что-то серьезное. Крестьяне переговариваются, спрашивают друг друга, кто же должен взять слово.

— Я так полагаю, что Хилипе [5]: он много знает...

— Давай ты, Хуан. Ты говорил в прошлый раз...

Согласия нет. Те, которых назвали, ждут, чтоб их подтолкнули. Старик, должно быть старейший, решает:

— Раз так, пусть говорит Сакраменто...

Сакраменто ждет.

— Ну давай, поднимай руку!..

Рука поднимается, но председатель ее не видит. Другие руки более заметны, и владельцам их предоставляется слово. Сакраменто оглядывается на старика. Тогда протягивает свою руку как можно выше совсем молодой крестьянин. Над множеством лохматых голов легко рассмотреть пять коричневых, пропитанных землею пальцев. Председатель замечает руку и предоставляет слово:

— Давай, поднимайся же!

Рука юноши опускается лишь тогда, когда Сакраменто встает. Он не может найти место своему сомбреро. Оно превращается в огромный предмет, растет, мешает. Сакраменто так и остается с ним в руках. За столом президиума проявляют признаки нетерпения. Раздается голос председателя — властный, угрожающий:

— Ну, кто там просил слова, мы ждем!

Сакраменто останавливает свой взгляд на чиновнике, сидящем с краю за столом. Кажется, что только к нему намерен обратиться оратор; все остальные исчезли, и в зале остались лишь они одни.

---

[1] Члены эхидос — сельскохозяйственных общин в Мексике.

[2] Титул, который присваивается в Мексике агрономам.

[3] Речь идет о мексиканской буржуазной революции 1910—1917 годов. Последователи этой революции ввели форму обращения «товарищ».

[4] В современной Мексике касик стал синонимом кулака.

[5] Искаженное Фелипэ.

— Хочу сказать от крестьян деревни Сан-Хуан де лас Мансанас. У нас жалоба на деревенского старосту. Он не оставляет нас в покое, и мы больше не можем его терпеть. Вначале староста отнял землицу у Фелипэ Переса и Хуана Эрнандеса только потому, что она лежала рядом с его землей. Мы телеграфировали в Мехико, но нам не ответили. Решили сообща обратиться в Аграрио[1], чтоб возвратили землю. Да ничего мы не добились ни поездками, ни бумагами, землица так и осталась за старостой.

Ни один мускул не дрогнет на лице Сакраменто. Можно подумать, что он читает заученную наизусть молитву.

— Так надо же! Рассердившись на нас, староста обвинил всех, будто мы бунтовщики. Так повернул, будто не он у нас, а мы у него отняли землю. Стал он тогда предъявлять требования по счетам: говорит, что мы задолжали, не возвращаем в срок то, что брали взаймы. И финансовый инспектор оказался на его стороне, сказал, что мы должны заплатить проценты. Кресенсио, что живет на косогоре, у водоема, соображает насчет цифр. Он подсчитал, и оказалось: с нас хотели взять больше. Но деревенский староста привез каких-то господ из Мехико, они с большими правами и сказали, что, если мы не выплатим старосте, у нас отнимут землю. Так вот, староста получил с нас силой то, что мы ему и не были должны...

Сакраменто говорит без выражения, без пауз, будто идет за плугом. Слова его падают, как брошенные при посеве в землю зерна.

— Ну, а потом это произошло с моим сыном, сеньор. Не выдержал мучачо[2]. Поверьте, мне это показалось излишним. Я пытался остановить его. Но он в тот день хватил лишку и совсем потерял голову. Ничего не стоило ему ослушаться отца. Ушел, чтобы встретить старосту и свести с ним счеты... Сына убили из-за угла и сказали, что он якобы хотел увести у старосты корову. Мне вернули его труп с размозженной головой...

[1] Министерство сельского хозяйства.

Кадык на шее Сакраменто нервно заходил. Так же стоя, будто дуб, глубоко пустивший корни, он продолжает, по-прежнему не сводя взгляда с того самого чиновника, который сидит с краю стола:

— Затем насчет воды. Так как ее мало из-за редких дождей, староста перекрыл канал. Это грозило гибелью урожая на всех наделах, и вся деревня голодала бы целый год. Мы собрались поговорить со старостой и просить его, чтобы он позволил взять хотя бы немного водицы для наших пропадавших посевов. Староста встретил нас бранными словами и сказал, что и говорить с нами не желает...

Чья-то рука дергает Сакраменто за локоть. Один из его односельчан что-то подсказывает. В полной тишине лишь голос Сакраменто звучит на весь зал:

— Так будто всего этого ему было мало. Что касается воды, так, спасибо святой деве, прошли дожди, и хоть наполовину нам удалось спасти урожаи. И вот что произошло в субботу. Деревенский староста и его люди — а это все самый нечестный народ — увели у нас двух девушек: Лупиту, что собиралась замуж за Эрминио, и дочку Кресенсио. Они застали нас врасплох: все мы были заняты на поле,— никто ничего не мог сделать. Девушек силой увезли в горы. А когда они вернулись, не надо было спрашивать, что случилось. Да их там еще и били. Тогда уже все возмутились по-настоящему, у людей лопнуло терпение...

Впервые голос Сакраменто задрожал. В голосе почувствовались угроза, ненависть, непоколебимое решение.

— И так как никто не обращает внимания на наши жалобы, хотя мы и обошли все вышестоящие власти и уже не знаем, где же оно есть, это правосудие, мы желаем теперь здесь получить поддержку. У вас,— и Сакраменто оглядел каждого чиновника, остановив взгляд на председателе,— у вас, которые обещали нам помощь, мы просим разрешения наказать деревенского старосту селения Сан-Хуан де лас Мансанас. Просим вашего согласия свершить над ним правосудие своими собственными руками...

Взгляды всех присутствующих впиваются в тех, кто на эстраде. Председатель и чиновники в безмолвии смотрят друг на друга. Начинают спорить.

— Это абсурд, мы не можем санкционировать такую дикую просьбу.

— Нет, товарищ, просьба эта не абсурдна. Абсурдно было бы оставлять решение этого вопроса в руках тех, кто ничего не сделал, кто остался глухим к этим вопиющим голосам. Было бы низкой трусостью ожидать, что наша юстиция свершит правосудие; да ведь эти же люди больше никогда и не поверят нам. Я предпочитаю поддержать их, согласиться с их правосудием, пусть примитивным, но все же справедливым. Я готов разделить с ними ответственность, которая падает на мою долю. По-моему, мы не можем иначе поступить, как дать согласие на то, что они сейчас просят.

— Но мы же цивилизованные люди, у нас есть судебные органы. Мы не должны их обходить.

— Что же может быть еще более законно, чем то, с чем они пришли сюда? А если бы нас с вами так оскорбили, как оскорбили их? Да если бы нам с вами причинили гораздо меньше вреда, чем нанесли им, мы уже давно бы пошли на убийство, оставив в стороне правосудие, которое, кстати, не желает вами заниматься! Я требую поставить на голосование внесенное предложение.

— Присоединяюсь к вашему предложению, товарищ.

— Но эти же люди умеют врать; надо бы проверить, так ли все это. Кроме того, мы не правомочны решать подобный вопрос.

Тогда в спор вступает председательствующий. В нем пробуждается крестьянин. Голос его звучит безапелляционно:

— Пусть решит собрание. Я беру на себя ответственность.

Он обращается к присутствующим. Голосом его говорит крестьянин, и звучит голос так, как, должно быть, звучал много лет назад, когда председательствующий говорил там, среди гор и полей, со своими земляками.

— Ставится на голосование предложение, поступившее от товарищей крестьян из деревни Сан-Хуан де лас Мансанас. Те, кто согласен дать им разрешение покончить с деревенским старостой, пусть поднимут руки...

Все без исключения руки вытягиваются вверх. Руки чиновников тоже. Нет никого, кто был бы против. Предложение принимается единогласно. Каждый палец поднятой руки — символ правосудия.

— На запрос крестьян из деревни Сан-Хуан де лас Мансанас собрание дает свое согласие.

Сакраменто спокойно стоит. Нет ни радости, ни боли в том, что он говорит. Выражение его лица ничем не отличается от обычного.

— Так что спасибо за разрешение. Потому как на наши просьбы никто не обращал никакого внимания, мы со старостой Сан-Хуана де лас Мансанас покончили еще вчера.

Перевел с испанского Ю. ПАПОРОВ.

[2] Мальчик, юноша, парень.

О молния, подними ураган!

ГО СЯО-ЧУАНЬ

Подними ураган, о молния!
Поэтический долг исполню я:
Полечу я в Багдад, на горы
иракские,
К братьям, сбросившим цепи
рабские.

Я хочу громами могучими
Славить новую революцию.

О солнце, радугу перекинь
Из Бейрута прямо в Пекин,
Чтобы мог я по этой радуге
К вам прийти, ваше сердце
радуя.

Я хотел бы десятки
американских казарм
Испепелить пожаром,
А встретив Ливана повстанцев,
Передать им любовь китайцев.

О спутник, тебе задание:
Понеси меня к Иордании,
Я хочу позывными резкими
Заклеймить английских
агрессоров.
И дружбу Китая хочу передать я
Вам, иорданские братья!

Велико расстояние
До Иордании.
Враки!
Мы с вами —
В Ливане,
В Ираке!

Сердце простого китайца
На голос борьбы откликается.

Перевел с китайского
Л. ЧЕРКАССКИЙ.

ПОЭМА О МОРЕ НАРОДНОМ

Александр Довженко.

И ЕЕ АВТОР

В. ПЕРЦОВ

Не знаю, было ли в действительности то «происшествие», которое в картине Александра Довженко «Поэма о море» оказалось осью драматических действий, позволило свести на площадке строительства множество разных людей, развернуть во всю ширь экрана радости и боли народного подвига. Действительно ли был такой председатель колхоза в Каховке, который накануне затопления села разослал приглашения всем землякам—выходцам из этого села: приехать попрощаться с родными хатами, повидать друг друга, поговорить, подумать о жизни? Не знаю, вероятно, это художественный вымысел автора. Но море, рождаемое Днепром,— одна из великих былей наших дней, такая же быль, как эти советские люди; среди них знаменитые и знатные: генерал армии, сражавшийся в этих самых местах против гитлеровцев, писатель, мечтающий своим словом охватить и окрылить современность, заместитель министра, вернее, заместительница министра, немного задравшая нос и не узнающая своих сверстниц-односельчанок... И многие, многие разные, хорошие и плохие, заметные и незаметные, но все обязанные этому уголку земли своей жизнью, а Советской власти тем, чем они стали...

«Человек сказал Днепру: я стеной тебя запру...» И вот этот уголок земли, как только воздвигнута будет плотина, уйдет под воду, станет дном нового моря. Иначе нельзя, потому что палящие ветры движутся с востока на украинский юг и весь этот край с чудесными тружениками земли превратился бы с течением лет в пустыню...

Может быть, посмотрев эту картину, наши строители, подлинные творцы истории, переймут художественный прием автора «Поэмы о море», превратят его в традицию, и в разные концы необъятной нашей страны полетят теперь письма, призывающие земляков быть вместе в решающие часы преобразования лица родной земли. Ведь голова идет кругом, когда подумаешь и захочешь представить себе с р а з у все, что нами делается! Так открывается день в жизни строителей моря и приезжих гостей, когда старое село и старое грозное зло от суховеев должны уйти с лица земли.

Но не только новое, искусственное море, созданное руками человека, подчинившего себе природу, видит зритель на экране: он видит новое человеческое море, не искусственное — народное море, которое прихлынуло к старым берегам жизни. Этот шквал прибоя народных сил сносит все старое, злое, мелкое, что еще осталось в людях от прошлого. Какие тут лица! Мужчины и женщины, молодежь и старики, дети, девушки, как радует это многолюдство, это блестящее общество, собравшееся на свой колхозный праздник накануне затопления старого села!

Последние старожилы покидают родные хаты, где протекла жизнь многих поколений тружеников и еще крепостных рабов, где

...барство дикое, без чувства,
без закона,
Присвоило себе насильственной
лозой
И труд, и собственность,
и время земледельца...

И вот человек стал свободным, и на высоком берегу будущего моря строится новое село, да уже и не село, а город земледельцев со светлыми, просторными избами, с хорошим клубом, нет, Дворцом культуры, и школой на самом видном месте, а вот поди ж ты... Не хочется уходить из старых, низеньких хат с подслеповатыми милыми окошками, с такими до боли обжитыми, любимыми уголками во дворе и в саду. Ведь вот же лучше, лучше будут люди жить, а как тяжело смотреть на этот нехитрый домашний скарб, узлы и незатейливые вещички крестьянского быта, вынесенные перед домом в ожидании, когда придет полуторатонка, и заберет все это вместе с хозяевами, и доставит к новому, веселому месту жительства!

И так уже все почти уехали, а на крыше полуразобранной хаты, как куры на насесте, примостились ее давние обитатели — не так чтобы очень старые — и не хотят уходить. И сколько им ни доказывают прораб и бульдозерист, чья грозная машина стоит наготове как символ разрушения старого, как залог расчистки пути для нового, что если они не уйдут и не дадут снести хату, то на них не посмотрят и затопят вместе с ней, потому что море нужно всем,— уперлись Григорий Шиян и Домна Тимофеевна. Попробуй сдвинь их... Это ведь не старое время!

Трудно расставаться со старым, привычным и тому, кто ясно понимает преимущество нового и сам ведет других на бой со старым. Вот генерал армии вместе со своим сынком, современным недорослем, предстал пред очи старика-отца, знаменитого деревенского плотника, в тот момент, когда тот тюкает своим топориком на стройке новой избы. Эту роль играет артист Ковров, он говорит слова, вложенные в его уста автором. Но если бы я не знал Довженко, не помнил отчетливо всех ходов в его мысли и речи, его фантазии и интонации, то я считал бы, что этого мудрого и острого человека с его замечательно оригинальным народным строем мышления современного строителя социализма постановщик Ю. И. Солнцева «открыла» где-то в глубинке и помогла ему сыграть себя самого. Никогда не угадаешь, куда поведет его мысль через минуту. Но, даже посмотрев картину не один раз, я ловлю себя на том, что слежу и наблюдаю за Ковровым, как за действительно существующим человеком. А потом спохватываюсь, потому что припоминаю: многое из того, что теперь составило роль Коврова, говорил мне Довженко от себя, рассуждая о нашей жизни.

Наступает момент, который уже нельзя откладывать. Старожил-плотник вручает своему сыну топор, потому что сам он не может решиться срубить старую грушу около их хаты, которую они теперь покидают. В этом месте, когда Ливанов, играющий роль генерала армии Федорченко, берет в руки топор и, волнуясь, говорит себе: «Вперед, Федорченко»,— я волнуюсь вместе с ним. И еще глубже понимаю мысль Довженко, проходящую через всю картину, его светлую печаль расставания с прошлым, в котором было ведь не только ненавистное, но и воспоминания о молодости, о любви, в которой рвалось сердце,— может быть, под этой самой грушей. Воспоминания о великой борьбе за революцию, за Родину... Ведь отсюда, от этой груши, шагнул в жизнь нынешний генерал армии.

Воспоминания... Да, если жизнь прожита сильно, хорошо, они составляют драгоценный фонд, который питает сердце для жизни. Недаром Есенин, всей душой стремясь «догнать стальную рать», возвратившись в родные места, с горечью признавался:

Снимается сцена приезда в колхоз гостей.

Фото Ю. Родькина.

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.

Главную музыкальную тему «Поэмы о море», тему этой «симфонии», ведет артист Борис Андреев в роли председателя колхоза Саввы Андреевича Зарудного, в просторечии — Савки. Савка всеми корнями в этой земле, где он родился, где вместе со своим сверстником Федорченко, будущим генералом армии, пахал землю, пас коней, ловил рыбу в тех самых плавнях, где теперь воздвигается море. И он, как и Федорченко, тоже во власти воспоминаний; сердце щемит, когда оно в тяжелую минуту озаряется думою о Ленине. В образе Савки есть грусть, но грусть эта особого рода: в ней нет и тени сомнения или разочарования, о, нет! А вот почему не все понимают задачу тружеников земли, задачу людей, делающих хлеб для всех людей?

Зарудный — человек большой, щедрый, как народ, который его создал, с крутым нравом и яростной неутомимостью, с большими недостатками и с большим страданием о будущем. Он так и говорит о себе, когда женщины-колхозницы подступают к нему со своими упреками и жалобами. И никто не посмеет, не подумает сказать ему, что он хвастает, потому что потребность в этом «хвастовстве» и в этой откровенности такая же, как потребность в лирике.

С образом, который создан Борисом Андреевым, произошло просто чудо. Если это чудо «разъять» алгеброй, то следует сказать, во-первых, что в него переселились душа Довженко, тоскующая о земле, его голос, его манера строить фразу, и, во-вторых, что артист Андреев нашел свое место и роль в жизни, став председателем колхоза Савкой. После этой картины его нужно посылать на работу в деревню или обсуждать его опыт на курсах председателей колхозов. Все это, разумеется, фигурально, но иным способом трудно выразить удивление и перед Довженко — автором этого образа— и перед высотой мастерства актера.

Савка — образ автобиографический, как автобиографично и все повествование в «Поэме о море», где автор, как он мне об этом говорил, намерен был сниматься в роли писателя— в своей подлинной роли художника, который вместе с другими своими земляками едет попрощаться с родным селом.

Для Довженко не было вопроса: я и народ. Он чувствовал себя народом в искусстве. Тонкий мастер высокой выразительности, Довженко хотел, чтобы читатель и зритель вместе с ним «дегустировали» красоту. Он искал способов продлить, остановить прекрасное мгновение, требуя от восприятия искусства интеллигентности. В это слово он вкладывал особый смысл, произносил его подчеркнуто, с каким-то нажимом. Мягко, по-украински выговаривая «г», как «х», «е», как «э»,— интэллихэнтность,—он невольно заставлял вспомнить, что сам он сын неграмотного украинского хлебороба, интеллигент в первом поколении. И он утверждал, что так же к этому слову относился и его отец, Петро Довженко, который всю свою жизнь пахал землю. Александр Петрович рассказывал, что одна из его односельчанок, которая еще девочкой постоянно играла с маленьким Сашко около плетня их хаты, училась в Москве и вышла там замуж за профессора. И вот она приехала погостить к родным. Навещая своих земляков, она часто приходила вместе с мужем, ученым какой-то специальности, к отцу Сашко — своего сверстника по детским играм. Вскоре в родное село приехал Александр Петрович, но его подруга детства уже укатила оттуда. Он стал расспрашивать отца о ней и о ее муже-профессоре — какой он?

— Та неинтэллихэнтный,— с неодобрением ответил Петро Довженко своему Сашко.

И сын не стал допытываться у отца, что это означает. В понимании обоих Довженко интеллигентность была природным свойством, как бы талантом или высшим тактом, лишь разрабатываемым культурой. И состояла она в том, что человек, наделенный этим даром, умел подходить ко всем явлениям жизни и к людям в соответствии с их сущностью или натурой, имманентно, как сказали бы философы. Этим свойством обладают многие простые люди, и его бывают лишены иные ученые.

«Поэма о море» — это произведение, в котором высокая интеллигентность прославлена как одно из качеств народа, борющегося за победу социализма во всем мире. Лучше всего в картине образы народные, я бы сказал, образы самородных мыслителей и ярых работников; возглавляет эту галерею Борис Андреев, или, что то же самое, председатель колхоза Савва Андреевич Зарудный.

Если в патетических речах его нет ни капли дидактики, а зато, как мы сказали, есть настоящая, сильная лирика, то в произведении Довженко есть и обаятельная интимная лирика, которую не заглушает грохот бульдозеров и экскаваторов. «Веселыми машинами» назвал их автор, и этот эпитет очень хорошо дополняет тот, к которому мы привыкли, называя наши машины «умными». На фоне мощного индустриального пейзажа вьется и не зарастает стежка-дорожка интимной, лирической темы. Сердце падает и возвышается, когда видишь, как бульдозеры наступают на хату или когда длинными кусками киноленты клубится дым дробимых камней и водяная пыль страстно вздыбившихся днепровских волн, как бы протестующих против навеки запирающей их плотины нового моря. Мы любим эти машины, которые вооружают нас в борьбе за будущее, и готовы поставить им памятник наподобие того, как на площади в Праге стоит танк «Т-34», первым вошедший в Прагу, освобожденную советскими воинами от гитлеровцев, и ныне водруженный на постамент,— грозная, добрая машина! Сколько раз мы жаловались, что люди во многих произведениях о современности заслонены машинами, а тут, умные, веселые, непреклонные, они помогают людям стать людьми и построить настоящую человеческую любовь. Не так давно на встрече наших поэтов с итальянскими Сальваторе Квазимодо провозгласил при общем сочувствии задачей поэта задачу переделки человека «для тех, кто еще считает поэта чужаком в жизни, кто хочет, чтобы поэт ночами взбирался по витой лестнице, ведущей в башню, где он сможет предаваться космическим спекуляциям. Времена звездочетов, времена увитых розами балюстрад миновали. Переделать человека — таков долг, такова задача!» Прекрасно сказано!

Но Сальваторе Квазимодо не видел картины Довженко, тех сцен ее, где на берегу великой реки, осаждаемой самосвалами, двое влюбленных любуются вечной луной и вечной прелестью украинской ночи и в неподражаемой лирике Довженко говорят о любви не так, но и так, как во времена звездочетов и увитых розами балюстрад.

Разве не об этом, не о поэзии любви, «Поэма о море»?

«— Иваночко, скажи, что ты меня любишь.

— Да.

— Громко скажи: «Люблю!»

— Да.

— Громко: «Люблю!» Ну!

— Ну, громко... Ой, ну перестань, честное слово. Мне это трудно выговаривать.

— Почему?

— Ну, ты же знаешь.

— Нет.

— Некрасивый я, не видишь?

— Неправда, не смей так говорить!

— А что, красивый, скажешь?

— Да. Ты почти абсолютно красивый. Ах, Иваночко!.. — Целует его руку.

— Что ты?.. Ой! Какая ты... Ей-богу, ну что ты делаешь?

Они начинают тихо целовать друг другу руки.

— Какая у тебя рука красивая, как цветок... Пальцы длинненькие...

— А у тебя какая! Громадная, как лопата, и тоже красивая. И лицо... хорошее.

— Ну, Олеся...

— Мне ведь особенной красоты, Иваночко, не надо. И то, что ты не знаменитый, тоже не беда. Душа ведь у тебя красивая.

— Душа, да... Натаскался я с этим краном. Двумя тягачами, понимаешь, еле вытащили. Еще трос оборвался... Так я потом уж подошел к твоему окошку — темно.

— Я спала.

— Да. Тихонечко, чтоб не разбудить, запел и пошел спать.

— А что ты пел?

— Разное...

Гей, підійду я до віконця,
Гей, будь здорова, мое сонце...

Поют вдвоем. Степь, месяц. Днепр. Слышится далекий несмолкаемый гармонический гул. Это

звучат земснаряды — гениальные машины эпохи».

Прекрасны наши люди своей душевной ширью, и ничто на свете не помешает им, сынам нужды и борьбы, жить всей полнотой жизни.

...Поэма Довженко не только патетическая, но и сатирическая. Для решения задачи, поставленной себе автором, это столь же необходимо, как светотень в искусстве живописи. Объемность, рельефность патетики усиливается игрой света и тени, и если бы не глубокие бичующие скорпионы сатиры, которые все время жалят зло в речах самородных мыслителей Довженко, то произведение лишилось бы большой части своей силы. Человек без недостатков — это человек, потерявший свою тень. Но, даже рисуя подлеца, Довженко показывает не просто тень без человека.

Он не скрыл от нас, что среди тех, кого мы называем хорошими работниками, немало есть карьеристов и хамов вроде прораба Голика, которому ничего не стоит обидеть женщину. С каким удовлетворением воспринимаешь сцену возмездия: Савва Андреевич приходит в контору прораба, гнев его страшен, он обрушивает громы и молнии на соблазнителя дочери, тот извивается под ударами длинного чабанского кнута, жалобно скулит оправдания... Увы, это — только воображение, только яростная мечта оскорбленного отца и гражданина. Средствами реалистической фантастики, которые в природе кино и которые так любит Довженко, воплощена картина победы над злом.

Но вот автор возвращает нас к действительности, и мы видим, что зло не побеждено, и этим как будто мелким бытовым эпизодом сказано: не всякий принадлежащий к социалистическому обществу — это человек, чье имя звучит гордо, что званием человека и у нас могут прикрываться низость и подлость.

Довженко раздумывает над своим героем: это ведь жизнь — добро и зло в обнимку. Автор не хочет выносить ему приговора окончательного. Мы слышим эгоистические слова, честолюбивые мечты Голика—эти внутренние монологи в картине волнуют, тревожат; мы понимаем, что Голик порою полон отвращения к себе, что он ненавидит себя. Этот тип порожден противоречиями самой истории, суровой, трагической и радостной. В этом молодом Растиньяке эпохи великих работ сместилось старое и новое,— старое наступает.

Переделать человека — таков долг, такова задача! Она нам по плечу, говорит Довженко. Смелый мастер светотени, всем опытом жизни убежденный в победе исторически передового, светлого, он не боится показывать плохое в нашей жизни.

«Скажи по совести, ну... по-чему-у?» — вопрошает у генерала Федорченко служивший под его началом в Отечественной войне Лев Яценко, невидный мужичонка в кепочке с «индустриальной ногой». «Игнат, скажи нам правду, как знаменитый генерал и вообще... Перебрал пятьдесят грамм, извиняюсь. Поэтому я только вопрос задам: по-че-му-у?» Этот маленький эпизод представляет собой актерский шедевр Ю. Тимошенко (одного из популярной пары «Тарапунька и Штепсель»). И хоть он и «перебрал пятьдесят грамм», но такая мировая скорбь слышится в подтексте его «ну... по-че-му-у?» по поводу неустройств в нашей замечательной жизни и такая вера этих «сержантов запаса для мира» в нашу победу, что полностью оправдано предложение, которое они делают своему земляку, генералу армии: «Иди к нам в председатели колхоза! На страх врагам! Тут мы с тобой над новым морем такое сотворим... Землю перевернем!»

«Поэма о море» — произведение автобиографическое, в котором нет центрального героя в обычном смысле этого слова, в котором главным героем является народ и его судьба, «судьба человеческая, судьба народная», как говорил Пушкин. Она развивается, льется в поэме свободным потоком по широкому руслу сюжета — встречи земляков в родном селе,— сюжета, созданного творческой фантазией автора. Образ его, как образ лирического героя, связал все эпизоды, все линии и планы повествования, потрясающего своим реализмом.

Как в ложноклассических трагедиях, здесь рассказано с полным единством места и времени об одном дне нашей жизни. Такого еще не было в нашем искусстве. Эта картина раскрывает неограниченные возможности искусства под знаком социалистического реализма. Оговариваюсь: я вовсе не собираюсь утверждать новый канон и вовсе не хочу сказать, что особенности формы Довженко могут быть навязаны художнику другого строя мысли и темперамента. «Правдоподобие все еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что, если докажут нам, что и самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие?» — эти слова Пушкина не могут не вспомниться при мысли о том, сколько сил отдал и как дорого заплатил Довженко за право нарушения «канона».

В нашем искусстве у Довженко место особое. Он кинорежиссер, и он писатель. И в том и в другом роде искусства он достиг высокого проникновения в специфику мастерства, в тайны художественных средств, свойственных только данному искусству. Если бы этого не было, он остался бы лишь мечтателем и ничего не создал бы. Но, как всякий большой художник, он приобщен к искусству в целом. Подобно тому, как человек воспринимает действительность всеми органами чувств и вовсе не обязан отдавать себе отчет, что пришлось на долю глаза или слуха в его впечатлении от действительности и в его представлении о ней, так и каждое большое произведение искусства рождает синтетический образ, и в конечном счете отступает на задний план воспоминание о средствах, с помощью которых он создан. Мы говорим об авторе: художник, или поэт (как это любил говорить Белинский), независимо от рода его художественного оружия. Таков Довженко. Он поэт в этом объемлющем все искусство смысле. Экран является для него продолжением или реализацией словесного образа. И не только потому, что, пользуясь словом, Довженко часто прибегает к метафоре, а потому, что экранизация его литературного произведения представляет для него как бы авторизованный перевод с одного языка на другой.

Это выступление поэта современной темы говорит о таком слиянии автора с народом, о такой попытке заглянуть в завтра, когда автобиографическое повествование становится эпосом.

Всей своей жизнью Довженко был подготовлен к созданию этого произведения, которому суждено было стать последним. Мы были с ним соседями в писательском поселке под Москвой. Александр Петрович читал мне отдельные сцены, заготовки будущей «Поэмы о море», советовался, а лучше сказать, искал благодарного слушателя, каковым я всегда был для него, конечно, одним из многих. Слушать его было истинным и ни с чем не сравнимым наслаждением.

Помню, как-то проходил я мимо его дачи с моим приятелем, комсомольским журналистом В. Н. Кукушкиным (Николаевым). Довженко увидел меня — сад его могучий тогда еще не так разросся и не закрыл дороги — и своим мягким, певучим говором стал приветливо и настойчиво приглашать зайти. Мы с Кукушкиным просидели у него в саду на приступочке крыльца часа полтора — два. Все это время Довженко рассказывал. Картины одна другой удивительней сменяли друг друга. О чем были они? О народе и о себе, художнике, призванном передать красоту жизни людей на земле. Особенно запомнилась мне одна сцена, где Довженко (дело было в 1930 году, во время проведения коллективизации) обращался к обиженным чем-то украинским женщинам-колхозницам и убеждал их — положение было критическое — взяться за работу, помочь Советской власти. Это был разговор с народом художника, вышедшего из народа, представителя новой, советской интеллигенции. И женщины ему поверили, сделали то, что нужно. А потом провожали его, как сына, да и просто признали сыном, целовали...

Живя среди русского народа бо́льшую часть своей творческой жизни и любя его, как свой родной народ, он думал, чувствовал, писал по-украински. Он был чистым человеком и подлинным пролетарским интернационалистом, органически уважал всякий народ с его языком и культурой, но трогало его до глубины души свое, памятное с детства. Как-то я сказал ему, что мне нравятся философские поэмы Леси Украинки, я их высоко ставлю среди известных мне в этом роде произведений мировой литературы, но посетовал, что не могу их достать в книжных магазинах. Помню, как обрадовался Александр Петрович этому моему отзыву, как он загорелся и сказал, что обязательно подарит мне Лесю Украинку на русском языке (тогда ее собрание сочинений еще не выходило).

Для чего я вспоминаю об этих чертах человека, с которым судьба дала мне счастье общаться? Для того, чтобы зритель нового фильма более углубленно почувствовал его личность,— ведь Довженко, как об этом уже сказано, должен был играть в нем роль писателя — самого себя. Это было бы — не боюсь такого слова — грандиозно, и нужно хоть как-нибудь, хоть характерными чертами поэта в жизни восполнить невосполнимое.

В зарисовках людей для своей «Поэмы о море», людей конкретных, с именами и фамилиями, Довженко часто завершает свои заметки с натуры выводом, что это не отдельные люди, что в них есть общее, типическое: «это образ... еще раз — это образ». И сам наводит на мысль, чтобы так же сказать о нем: это образ одного из тех красивых людей будущего, которые живут среди нас. Он и физически был красив: крутой лоб мыслителя, прямой нос, четко вырисованные губы проповедника, в профиль — чистый барельеф, как на мемориальной доске, не так давно открытой на доме, где он жил.

Его поэма — произведение не только о сегодняшнем дне, о нашем времени, но и о будущем. Иным и не может быть подлинно художественное произведение на современную тему. Страстно заинтересованный в том, чтобы помочь в решении неотложных современных вопросов, волнующих общество, и создавая в этом смысле произведение острозлободневное, настоящий художник полон забот о завтрашнем дне. В его произведении есть не только время, но и эпоха. Оно рождено чувством истории. Таким высоким современным произведением, пронизанным чувством истории в оба конца, в прошлое и будущее, является «Поэма о море» с ее пафосом преобразования всей жизни, материальной культуры, природы и людей на пути к коммунистическому обществу.

Когда я смотрел на слаженный поток машин, на экскаваторы, вгрызающиеся в землю, на плавное движение портальных кранов, когда, ошеломленный, слышал грохот низвергающихся в воду каменных глыб и ропот воды, зажатой камнями перед рождением нового моря, я вспомнил прошлое нашей Родины, в масштабе истории не столь уж далекое — сто лет с небольшим. Известен, по воспоминаниям Достоевского, рассказ его о встрече с Белинским в Петербурге (незадолго до смерти Белинского), на площади Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги. Белинский сказал ему:

«Я сюда часто захожу взглянуть, как идет постройка (вокзала Николаевской железной дороги, тогда еще строившейся). Хоть тем сердце отведу, что постою и посмотрю на работу: наконец-то и у нас будет хоть одна железная дорога. Вы не поверите, как эта мысль облегчает мне иногда сердце».

«Это было горячо и хорошо сказано; Белинский никогда не рисовался»,— замечает Достоевский. Но, отдаляя себя от Белинского, Достоевский не то с сочувственной иронией, не то с жалостью говорит о том, как этот убежденный в своей вере человек грустил, «почему не сегодня, почему не завтра?» Вспоминая свой разговор с Белинским, Достоевский подводил такой итог: «Это был самый торопившийся человек в целой России».

Из таких «торопившихся» создалась целая порода новых людей в России, образовалось то море народное, которое воспел замечательный советский поэт Александр Довженко в своей прощальной поэме.

Председатель колхоза Савва Зарудный — народный артист РСФСР Б. Андреев.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «ПОЭМА О МОРЕ».

В семье водителя самосвала Ивана Кравчины родился сын. Мария Кравчина — В. Владимирова, Иван Кравчина — Е. Бондаренко.

Старый колхозник Максим Федорченко (народный артист РСФСР Г. Ковров) на строительстве колхозного клуба.

Кобзарь — народный артист СССР И. Козловский.

СЛУЧАЙ НА ГАСТРОЛЯХ

Леонид ЛЕНЧ

Рисунок Б. Жутовского.

Посреди комнаты хорового кружка, самой вместительной в новом здании колхозного клуба, стоит длинный стол, накрытый белой подкрахмаленной скатертью и украшенный вазами с букетами цветов.

Чего только нет на этом столе: тут и вареные поросята, и жареные гуси, и холодец, и своего приготовления колбаса с чесноком, и холодные карпы, и салаты из крупно нарезанных помидоров и огурцов, и моченые яблоки, и маринованные сливы, и всяческие консервы из сельпо, и домашние пироги толщиной в руку — с капустой и яйцами!

Председатель колхоза Иван Харитонович Сельцов, большой любитель театрального искусства, не поскупился на угощение. Да и случай, в самом деле, не совсем обычный: в глубинный колхоз приехал областной театр, привез новую свою постановку — пьесу из колхозной жизни. Театр, а не какая-нибудь летучая бригада неунывающих халтурщиков с подозрительными документами от таинственной филармонии — не то Вараньковской, не то Валаньковской, не то Ваганьковской.

Вот Иван Харитонович и распорядился отметить событие в культурной жизни села: стол накрыть заранее и по первому классу с тем, чтобы сразу же по окончании спектакля пригласить дорогих гостей отужинать с представителями колхозной общественности.

Угощение и стол для артистов готовила Лукерья Власьевна Пушкарева, или бабушка Луша, любимица колхозных трактористов, ветхая старушка — еле-еле душа в теле,— но великая мастерица по своей части. А помогали ей три девушки, три невесты, веселые, звонкие хохотушки. И все три — Маруси!

— Ну как, Иван Харитонович, принимаете нашу работу? — щурясь, спрашивает бабушка Луша председателя.— Может, мы недоглядели чего?

Иван Харитонович в белой сорочке с галстуком, в новом костюме, побритый, пронзительно пахнущий одеколоном и очень торжественный, долго и придирчиво, будто он проверяет глубину вспашки в поле, осматривает накрытый стол, потом, тронув рукой подстриженные щеточкой сивые усы и проглотив вдруг набежавшую слюну, произносит:

— Да нет, вроде все соответствует! Картина вполне получилась, Лукерья Власьевна. Наш колхоз, девчата, известный, нам неудобно скудно гостей принимать! — обращаясь к трем Марусям, внушительно разъясняет Иван Харитонович.— Однако находятся среди нас такие товарищи, которые советуют скаредничать, как жадная теща.

Три Маруси, которые понимают, что этот тонкий намек адресован Тестеву Петру Потапычу, желчному председателю ревизионной комиссии колхоза, прыскают от смеха.

— И тем более артисты заслуживают! — продолжает Иван Харитонович.— Я, когда ездил на конференцию, смотрел у них в театре драму «Гроза» Островского. Сильное произзедение! Молодая артистка, очень прекрасная, Екатерину играла, которая в Волгу бросается. Весь театр слезами изошел!

— И вы тоже плакали, Иван Харитонович? — спрашивает Маруся — брюнетка с бесовскими глазами.

— А что я, хуже других? Ого! Сейчас звонок будет!

Бабушка Луша ласково кивает головой своим помощницам:

— Идите, девочки! А я уж здесь посижу. Кривая Кораблиха еще взвар принесет.

Иван Харитонович и три Маруси уходят смотреть спектакль, а бабушка Луша остается одна — ожидать кривую Кораблиху с грушевым взваром.

Появляется Иван Харитонович снова в комнате хорового кружка через час, в конце первого антракта. Вид у него уже не такой торжественный и сияющий, на лице озабоченность и даже тревога, во всех движениях некоторая растерянность.

— Принесла Кораблиха взвар!— радостно докладывает председателю повариха.— Ну и взвар! Прямо-таки царь-взвар! Как вино! Хотите попробовать?

— Дайте. Хотя нет, не надо. И вообще напрасно, кажется, размахнулись мы с вами.

Взглянув на потускневшее лицо председателя, догадливая бабушка Луша сочувственно спрашивает:

— Не дотягивают до поросят?

— Не дотягивают, Лукерья Власьевна! Сначала вроде ничего было. А потом такая скукота пошла, сил нет терпеть! И ведь вроде похоже, что из колхозной жизни, а с другой стороны, какая же это наша жизнь?! Фотографические карточки такие бывают с недодержанного снимка: ничего не разберешь, все как в тумане, словно молоком облитое. Ходят какие-то люди по сцене, говорят разные слова. А к чему, зачем?

Огорченный Иван Харитонович, пожав плечами, присаживается к столу, закуривает.

— Тестев Петр Потапыч уже подходил ко мне, тряс рыжей своей бороденкой, намекал, язва, на допущенный расход: я, мол, тебя предупреждал, чтобы поаккуратней. Беда...

Председатель колхоза тушит недокуренную папиросу и, вздохнув, уходит смотреть второй акт.

Однако и второй акт не приносит облегчения его встревоженной душе. Возвращается он в комнату хорового кружка туча тучей, молча садится и начинает барабанить пальцами по столу.

Повариха робко говорит:

— Ну как, Иван Харитонович, не распогодилось?

— Какое там! — Председатель безнадежно машет рукой.— Еще гуще скукота пошла. Некоторые колхозники уже стали по домам расходиться. А Тестев Петр Потапыч аж синий сделался от злости, как удавленник. «Я,— грозит,— тебя еще на общее собрание выставлю за этот банкет!» Лукерья Власьевна, а где же поросята?

— Сами же говорили, что не дотягивают они до поросят. А у нас завтра в клубе механизаторов премируют, забыли? Вот я и спланировала сегодняшних поросят на завтрашний ужин товарищеский. Я их пока к себе в погреб отнесла, рядом ведь живу!

— Ишь вы, какая быстрая! Позвольте, а гуси где?

— Там же, в погребе. Я так думаю, Иван Харитонович, что до гусей спектакль этот тоже не дотягивает!..

Иван Харитонович оглядывает опустевший стол и прячет в усы невольную улыбку.

— Да вы же один хрен да горчицу оставили, Лукерья Власьевна!

— Зачем так говорить! — обижается повариха.— Помидорчики оставила, огурчики. Консервы, которые уже открытые, холодец остался. Девочки сказали, что до холодца все ж таки дотягивают! Ничего, Иван Харитонович, пускай закусят чем бог послал — и айдате в город!

— Решение такое принято,— строго хмурит брови председатель колхоза.— По окончании спектакля со сцены речей не произносить, как предполагалось, но артистов на ужин все ж таки позвать.

— И поросят подать?

— И поросят подать! И гусей! Все поставьте назад, как было. Актеры не виноваты, они старались от души, их автор подвел... Э, да что там говорить, Лукерья Власьевна! Я домой пойду. Вы уж тут без меня... как-нибудь.

Бабушка Луша сокрушенно качает головой.

— Нехорошо, Иван Харитонович! Как же без председателя?

— Тестев Петр Потапыч останется на ужин. Он, правда, нездоров, но сказал, что ради такого случая придет и все выскажет про этот спектакль... от имени правления.

— Ой, нельзя Тестева одного оставлять с гостями, Иван Харитонович! — пугается повариха.— Он со злости всю политичность может позабыть и такого наговорит, что у людей наши поросята поперек горла остановятся!

Сельцов смотрит на обеспокоенное лицо бабушки Луши и, подумав, говорит:

— Да, это, пожалуй, верно. Тут надо тонкую линию вести, дипломатическую. Артистов обижать нельзя, они не виноваты. Тем более среди них находится та молодая артистка, которая Екатерину играла в «Грозе». Она и сегодня ну прямо из кожи вон лезла — так старалась. У меня аж слезы на глаза наворачивались.

— Значит, опять вы плакали?

— Не по ходу пьесы. Мне за артистку эту было ужасно обидно. Она, бедняжка, все с жаром изображает, а слова-то ей автор— Бородовский чи Бураковский—как его там?—подсунул холодные, как протухшие головешки. Вот у артистов и получился пшик... по объективной причине. Пожалуй, лучше мне остаться. Как бы в самом деле Тестев не напорол чего лишнего!

...И вот наконец начинается долгожданный торжественный ужин. Иван Харитонович произносит свою речь. Он извиняется перед дорогими товарищами артистами за то, что колхозники мало хлопали им, и затем приступает к подробному, обстоятельному разбору пьесы:

— Вы передайте, пожалуйста, автору, товарищу Бородовскому чи Бураковскому, что если бы у нас, скажем, в колхозе подобные люди были, какие у него в пьесе выведены, то мы бы никогда урожай такой не собрали, и клуб новый не построили бы, и хлеб первыми в области на элеватор не отвезли бы. Да и принять вас, дорогие товарищи артисты, так, как сегодня принимаем, тоже, извините, уж не могли бы!

Сконфуженные артисты переглядываются, перешептываются. Правильно говорит председатель колхоза. Недаром предусмотрительный автор пьесы не захотел поехать вместе с артистами в эту поездку! Как знал! А жаль, что не поехал!..

12345678910

От одного до десяти

Веселый счет

С. МАРШАК

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Вот один, иль единица,
Очень тонкая, как спица.

А вот это цифра два.
Полюбуйся, какова!

Выгибает двойка шею,
Волочится хвост за нею.

А вот это, посмотри,
Выступает цифра три.

Тройка — третий из значков —
Состоит из двух крючков.

За тремя идут четыре,
Острый локоть оттопыря.

А потом пошла плясать
По бумаге цифра пять.

Руку вправо протянула,
Ножку круто изогнула.

Цифра шесть—дверной замочек:
Сверху крюк, внизу кружочек.

Вот семерка — кочерга.
У нее одна нога.

У восьмерки два кольца
Без начала и конца.

Цифра девять, иль девятка,—
Цирковая акробатка:

Если нà голову встанет,
Цифрой шесть девятка станет.

Цифра вроде буквы « о» —
Это ноль, иль ничего.

Круглый ноль такой
хорошенький,
Но не значит ничегошеньки!

Если ж слева рядом с ним
Единицу поместим,

Он побольше станет весить,
Потому что это десять.

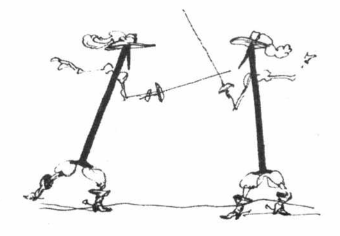
Эти цифры по порядку
Запиши в свою тетрадку.
Я про каждую сейчас
Сочиню тебе рассказ.

1

В задачнике жили
Один да один.
Пошли они драться
Один на один.

Но скоро один
Зачеркнул одного.
И вот не осталось
От них ничего.

А если б дружили
Они меж собою,
То долго бы жили
И было б их двое!

2

Две сестрицы — две руки
Рубят, строят, роют,
Рвут на грядке сорняки
И друг дружку моют.

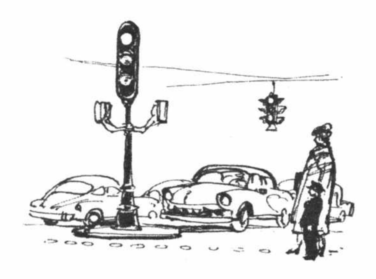
Месят тесто две руки —
Левая и правая.
Воду моря и реки
Загребают, плавая.

Два зеленых башмачка
Танцевали казачка,
Без людей пустились в пляс
И плясали целый час.

Гоп, гоп,
Прыг да скок —
Пляшет правый башмачок!

Топ, топ,
Брык да скок —
Пляшет левый башмачок!

3

Три цвета есть у светофора,
Они понятны для шофера:
Красный свет —
Проезда нет.
Желтый —
Будь готов к пути,
А зеленый свет — кати!

4

Четыре в комнате угла.
Четыре ножки у стола.
И по четыре ножки
У мышки и у кошки.

Бегут четыре колеса,
Резиною обуты.
Что мы пройдем за два часа,
Они — за две минуты.

5

Пред тобой пятерка братьев.
Дома все они без платьев,
А на улице зато
Нужно каждому пальто.

6

Шесть
Котят
Есть
Хотят.

Дай им кашки с молоком.
Пусть лакают языком,
Потому что кошки
Не едят из ложки.

7

Семь ночей и дней в неделе.
Семь вещей у вас в портфеле:
Промокашка, и тетрадь,
И перо, чтобы писать,
И резинка, чтобы пятна
Подчищала аккуратно,
И пенал, и карандаш,
И букварь — приятель ваш.

8

Восемь кукол деревянных,
Круглолицых и румяных,
В разноцветных сарафанах
На столе у нас живут.
Всех Матрешками зовут.

Кукла первая толста,
А внутри она пуста.

Разнимается она
На две половинки.
В ней живет еще одна
Кукла в серединке.

Эту куколку открой —
Будет третья во второй.

Половинку отвинти,
Плотную, притертую,—
И сумеешь ты найти
Куколку четвертую.
Вынь ее да посмотри,
Кто в ней прячется внутри.

Прячется в ней пятая
Куколка пузатая,
А внутри пустая.
В ней живет шестая.
А в шестой —
Седьмая,
А в седьмой —
Восьмая.

Эта кукла меньше всех,
Чуть побольше, чем орех.

Вот, поставленные в ряд,
Сестры-куколки стоят.

— Сколько вас! — у них мы спросим.
И ответят куклы: ВОСЕМЬ!

9

К девяти без десяти,
К девяти без десяти,
К девяти без десяти
Надо в школу вам идти.
В девять слышится звонок.
Начинается урок.

К девяти без десяти
Детям спать пора идти.
А не ляжете в кровать,
Носом будете клевать!

0

Вот это ноль, иль ничего.
Послушай сказку про него.

Сказал веселый, круглый ноль
Соседке-единице:
— С тобою рядышком позволь
Стоять мне на странице!

Она окинула его
Сердитым, гордым взглядом.
— Ты, ноль, не стóишь ничего.
Не стой со мною рядом!

Ответил ноль: —Я признаю,
Что ничего не стою,
Но можешь стать ты десятью,
Коль буду я с тобою.

Так одинока ты сейчас,
Мала и худощава,
Но будешь больше в десять раз,
Когда я стану справа.

Напрасно думают, что ноль
Играет маленькую роль.

Мы двойку в двадцать превратим,
Из троек и четверок
Мы можем, если захотим,
Составить тридцать, сорок!

Пусть говорят, что мы ничто,—
С двумя нолями вместе
Из единицы выйдет сто,
Из двойки — целых двести!

Ермат-ата Норматов.

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Файзулла ХОДЖАЕВ

Фото Дины Ходжаевой и автора.

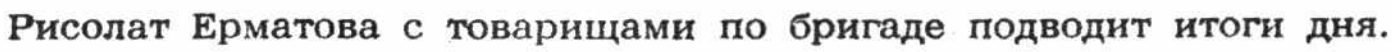
Безбрежная степная равнина, припушенная солью, точно снегом. Кустики колючки, потемневшие от зноя и пыли. Колышется марево раскаленного воздуха. Одинокий стервятник без всякого выражения смотрит на вас с верхушки телеграфного столба и, шурша крыламии, лениво взмывает в равнодушное синее небо. Вы идете по степи и то и дело попадаете на участки рыхлой, пористой почвы, покрытой слоем затвердевшей соли, слепящей глаза до слез. То солончак — сухая трясина. Стоит вам только остановиться, как вы тотчас почувствуете, что ваши ноги начинают погружаться в землю. Уходите прочь, не то трясина засосет вас по самые колени. И постарайтесь добраться до жилья засветло: вечером степь заполняют полчища комаров, они облепят вас с головы до ног, и не будет вам тогда спасения...

Это и есть Голодная степь — одно из немногих белых пятен на карте Узбекской ССР. Исторгая из себя соль, источая слезы из глаз редких здесь земледельцев, веками лежала нетронутой мертвая, бесплодная земля. В 1918 году В. И. Ленин подписал декрет об орошении 500 тысяч десятин в Голодной степи. В 1956 году здесь началось широкое наступление на степь.

В ту пору сюда, на целину, и приехала семья Ермата-ата Норматова, ныне здравствующего поливальщика хлопковых плантаций совхоза «Дружба». 65 лет исполнилось тогда Ермату-ата. В землянке располагалась в те дни дирекция совхоза. В землянке поселилось и семейство новоселов. Не было ни благоустроенных поселков в отделениях совхоза, ни бескрайних полей хлопчатника, ни города Янги-Ера, ни дорог, ни воды. Был солончак и степь, где гуляли волки. И ветер, сдувавший людей с земли. Словом, все надо было начинать сначала.

В первый же год жизни на целине комсомольско-молодежная бригада, руководимая дочерью старого хлопкороба Рисолат Ер-

Рисолат Ерматова с товарищами по бригаде подводит итоги дня.

Нусрат Ерматова принесла напиться своему брату Карабаю.

матовой, собрала по 30 центнеров хлопка с гектара. Это в три раза превосходило урожаи, собранные остальными бригадами совхоза. А земли «Дружбы» характеризуются пятибалльным засолением, то есть теоретически здесь не должно произрастать ничего.

— Как же это удалось? — спросили мы у Ермата-ата.

— Дорогу осилит идущий,— ответил нам хлопкороб и пригласил нас на поле.

В полдень мы отыскали бригаду Рисолат. Солнце повисло в небе, как остановившийся маятник, и казалось, что само время остановило свой бег. 40 градусов в тени! В ритме размеренном, неторопливом работали парни и девушки. Где-то поблизости надрывно рокотал трактор, проводивший подсев.

— Буксует, бедняга,— сказала Рисолат. А потом выпрямилась, оглянулась и ахнула: один из парней, за ним другой, третий потянулись в тень молоденьких деревцев по краю поля. За парнями двинулись девушки. Невесть откуда рядом с Рисолат на грядке появился Ермат-ата. Он ничего не сказал тем, кто уселся в тени.

— Они неплохо потрудились сегодня, устали,— заметил Ермат-ата без тени насмешки и принялся за работу.

— А вы сами? — спросили мы.

Ермат-ата с улыбкой посмотрел на нас.

— Хлопок не может ждать.

Отдыхавшие парни и девушки сидели еще некоторое время, опустив головы, боясь посмотреть друг другу в глаза. Им было, наверное, совестно. Когда трудится старик, молодые не имеют права, не смеют сидеть сложа руки. Таков обычай, так повелось в народе испокон веков. И они торопливо зашагали к полю.

Несколько дней мы провели в бригаде. Мы видели, как Рисолат — узкоплечая, худенькая женщина 23 лет — «расправилась» с любителем длинного рубля, который большую часть рабочего дня проводил не на поле, а на рынке, торгуя там фруктами со своего приусадебного участка. Богатырского сложения детина, пойманный бригадиром на «месте преступления», покорно выслушал наставление Рисолат и послушно отправился на поле. Мы узнали о том, что дамбы оросительного канала время от времени размывает и случается, что вода из канала, устремляясь на поля, с корнем вырывает растения. Тогда вся бригада, взявшись за руки, встает в брешь дамбы, образуя живую стену.

Нам рассказали о том, что Ермат-ата участвовал в борьбе с белогвардейцами, добровольцем пошел на Великую Отечественную войну, а возвратясь с фронта, категорически отказался от пенсии и продолжает трудиться.

...Мы сидим во дворике Ермата-ата. Добрейшая улыбка витает на губах старика и светится в его выцветших глазах. Вечер. Аккуратно прибранный дворик дома Ерматовых полит водой. Летают голуби. По дворику неслышно скользит Марьям Ерматова: склоняется над люлькой с малышом, сыном Рисолат, подносит отцу пиалу с чаем.

— Марьям у нас за домашнюю хозяйку,— негромко говорит Ермат-ата.— Мать наша померла... А легко ли в семнадцать лет и за малышом присмотреть и обед приготовить на такую ораву, как наше семейство? Она и на поле поработать успевает...

— Не устает?

— Человек устает, когда ему нечего делать. Мне дети часто говорят: «Отдохнули бы, отец». А с чего мне уставать?

На плечо Ермата-ата садится голубь. Старик берет птицу в руку и легонько подбрасывает вверх.

— Отец мой когда-то выпустил меня из рук, как я вот эту птицу, и не велел садиться, пока хоть кому-нибудь буду нужен...

Нашу беседу прерывает появление младших сыновей Ермата-ата — Норийгата и Туманбая, мальчишек-школьников. Братья привели на привязи корову, козу и барана. Шестилетняя Нусрат шла сзади, подстегивая животных.

— За уроки! Быстро! — командует отец, и братья исчезают в одной из комнат дома.

Вдалеке смолкло тарахтение трактора, и скоро во дворике появился Карабай Ерматов. За ним цепочка—Рузыбай и жена его Елена Рожненко с детьми на руках, Бувиор, Алликул — приемный сын Ермата-ата. С огромной дыней в руках к дому с бахчи прошлепал четырехлетний Базарбай — старший сын Рисолат.

Дети и внуки умылись и чинно расселись вокруг дастархана — скатерти, расстеленной на тахте. Ермат-ата неторопливо разломил на кусочки лепешку и сказал:

— Если вы захотите эту лепешку съесть, вы не станете ее запихивать в рот целиком. Вы разломаете ее и уж потом приметесь за еду. Так и Голодная степь. Сразу всю ее не освоишь. По кусочкам надо. Обрабатывать культурно, терпеливо. Терпение! Это — главное. Трудитесь терпеливо, и земля полюбит вас и щедро наградит.

Марьям Ерматова сдает собранный ею хлопок весовщику Садыкджану Клычеву.

Ермат-ата, его невестка Елена и ее дочь.

КУБОК ВОЗВРАТИЛСЯ В МОСКВУ

Результат 4 : 0 с Англией был началом бурного финиша сборной команды СССР. Наши шахматисты повторили этот результат в матче с коллективом Германской Демократической Республики, хотя в этой команде очень сильные, талантливые игроки: они нанесли поражение шахматистам Западной Германии — 3,5 : 0,5, что, конечно, вызвало большое разочарование в Мюнхене.

Советские шахматисты продолжали свое наступление. В предпоследнем туре, уже почти по традиции, обыграли со счетом 4 : 0 австрийцев.

Наш шахматный ансамбль играл ровно и превосходно. Достаточно сказать, что в Мюнхене было сыграно 76 партий, из них только одна проиграна в полуфинале. Но и это маленькое пятнышко удалось стереть. Ботвинник в финале легко и убедительно взял реванш у Дюкштейна. В зале шутили: «Напрасно Дюкштейн пришел играть вторую партию, так бы он остался победителем чемпиона мира...». Но, по-видимому, Дюкштейн — оптимист и рассчитывал на то, что увеличит свой счет с Ботвинником до 2 : 0...

Три победы подряд с сухим счетом 4 : 0 вывели нашу команду не только вперед, но обеспечили ей первое место уже в предпоследнем туре.

Последний матч со Швейцарией был как бы показательной игрой.

Неутомимый Таль снова блеснул мастерством. В общем он добился феноменального результата: 13,5 из 15 возможных — лучший результат на Олимпиаде.

Перед матчем со Швейцарией к нашим шахматистам подошли англичане и просили сыграть со Швейцарией «как можно лучше». Англичане «болели» за нас из-за собственных интересов. Им хотелось уйти с последнего места.

Советские шахматисты выполнили просьбу англичан и показали высокий класс игры.

Кубок командного чемпиона мира снова в руках капитана нашей команды А. Котова. Он его привез в Мюнхен, чтобы показать другим шахматистам, а теперь увозит его обратно на Гоголевский бульвар. Так мы и предполагали.

Нельзя не отметить прекрасную организацию 13-й Олимпиады. Я как член судейской коллегии оставался безработным: не было ни малейшего конфликта в этом крупнейшем и рекордном по количеству участников соревновании.

Еще хочется отметить объективность зрителей, которые стоя дружно приветствовали шахматистов Советского Союза, когда им был вручен кубок чемпиона мира.

Сало ФЛОР

Заоблачная дрейфующая

Этот снимок сделан из окна самолета с высоты семи километров. Гигантскими волнами убегают вдаль вершины. Огромным белым драконом сползает отсюда самый большой в мире горный ледник Федченко. Почти на восемьдесят километров протянулся он с юга на север. Словно дремлющие стражи окружают его пики Памира.

Природа эта, такая мирная с высоты, таит в себе много опасностей. Зимой, когда солнце надолго скрывается за толщей туч, температура воздуха понижается до —40 градусов, с бешеной силой дует ураганный ветер.

Здесь, на высоте 5 тысяч метров, среди снега и льда, затерялся маленький домик станции Академии наук Узбекской ССР. Недаром ее называют «заоблачная дрейфующая». На зимовке трудятся семеро смелых: начальник станции В. Ноздрюхин, гляциолог и метеоролог А. Королев, техники-наблюдатели И. Назаров и И. Арифханов, геофизик В. Рачкулик, врач И. Клейнер и повар А. Студенцов. Исследования, которые ведутся зимовщиками, имеют большое научное и практическое значение. Ведь ледник Федченко — своеобразная кладовая влаги, которой питаются многие реки Средней Азии.

Большую часть года доступ сюда наглухо закрыт. Недавно на помощь мужественным исследователям пришли отважные летчики экипажа В. М. Казанлия. Они подняли в небо тяжело груженный четырехмоторный воздушный корабль и, лавируя в тесном пространстве между горными вершинами, сбросили семерым зимовщикам на парашютах необходимые припасы.

На днях мы связались по радио с начальником высотной зимовки В. Ноздрюхиным. Вот что он рассказал:

— В этом году зима на леднике Федченко наступила на месяц раньше, чем в прошлом году. Выпало много снега. Начались бураны. Самое неприятное для нас то, что вокруг домика образовалось много трещин. Но научная работа, несмотря ни на что, продолжается. Собираемся совершить поход в верховья ледника, чтобы построить там небольшое жилище. Это позволит нам периодически вести наблюдения в самой интересной части ледника. Именно там происходит накопление масс снега, которые питают ледник Федченко.

К зиме мы подготовились отлично. Обеспечены топливом, продуктами. У нас даже газ теперь появился, почти как в московских квартирах, с той разницей, что он подается не по трубам, а завозится в баллонах.

Хотим поблагодарить экипаж самолета В. М. Казанлия. Они очень точно сбросили нам припасы. Не пропало ни одного контейнера с углем, в целости и сохранности все продукты. Даже шампанское целехонько. Думаем заморозить пару бутылочек к празднику. Настроение и самочувствие у всех отличное.

Поздравляем читателей «Огонька» с наступающей 41-й годовщиной Великого Октября.

Л. НОВИКОВ
Фото автора.

Садовые ножницы

Агния БАРТО

Рисунки А. Каневского.

Дедушка Миша, садовник-старик,
Возле дорожки кустарник подстриг,
Ветки подрезал, убрал сухостой —
Пусть зеленеет кустарник густой!

Деда позвали, он крикнул: «Иду!» —
И второпях он оставил в саду
Новые садовые ножницы.

Шел вдоль кустарника дедушкин зять.
Видит он ножницы — как их не взять,
Как не подрезать кустарник в саду,
Если на лавке лежат на виду
Новые садовые ножницы?!

Ветку одну подровнял он слегка.
К ветке другой потянулась рука,
Ветку за веткой он стал подрезать.
К счастью, опомнился дедушкин зять.
Он спохватился: «Я лучше уйду!»
Но, на беду, он оставил в саду
Новые садовые ножницы.

Шел вдоль кустарника дедушкин внук,
Шел он, насвистывал что-то... И вдруг!..
Вдруг, на беду, он увидел в саду
Новые садовые ножницы.

Просятся в руки они к пареньку.
Шепчет он: «Ветку одну отсеку».
Ветка отрезана (слышите хруст?),
Тоньше и тоньше становится куст:
Щелкают, щелкают, входят во вкус
Новые садовые ножницы.

Рад бы опомниться дедушкин внук,
Выпустить ножниц не может из рук,
Шепчет он, словно у ножниц в плену:
«Эту отрежу! Вот эту одну!»

Слышите, слышите,
Щелкают ножницы?
Ежится листьев
Зеленая кожица...

Голые прутья
Торчат у дорожки,
Остались от кустиков
Рожки да ножки.

Друзья дорогие!
Имейте в виду:
Опасно в саду
Оставлять на виду
Новые садовые ножницы.

У нас в гостях «Перець» УКРАИНА и «Вожык» БЕЛОРУССИЯ

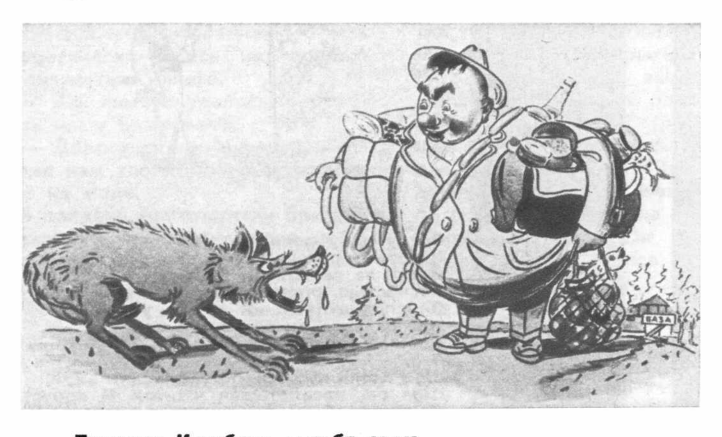
— В день твоего семидесятилетия, бабушка, приветствуем тебя от имени нашей семьи и горячо благодарим за заботу.

Рисунок Н. Гурло.

Приросло.

Рисунок А. Арутюнянца.

— Товарищ Колобков, я тебя съем.

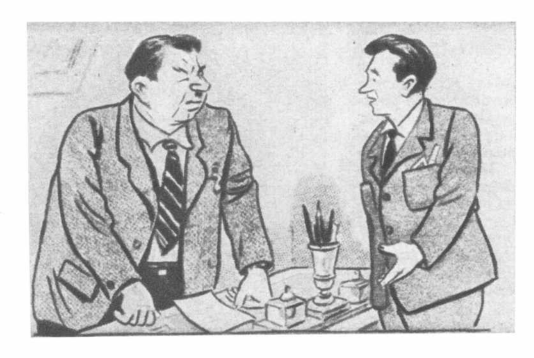
— Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, от ревизии ушел, а от тебя, волк, и подавно уйду.

Рисунок Н. Гурло.

— Приехал в командировку и сразу окунулся с головой.

Рисунок З. Павловского.

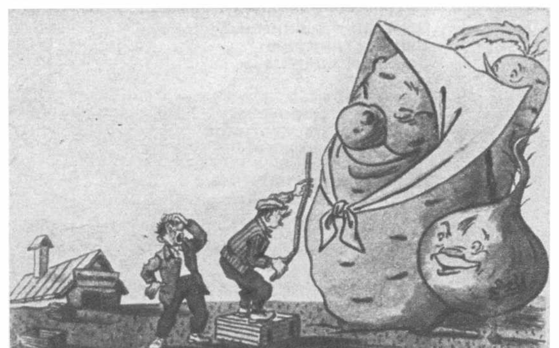
— Почему вы хотите оставить у нас работу?

— Откуда вы взяли? Я заявление не подавал.

— Зачем тогда писали заметку в газету?

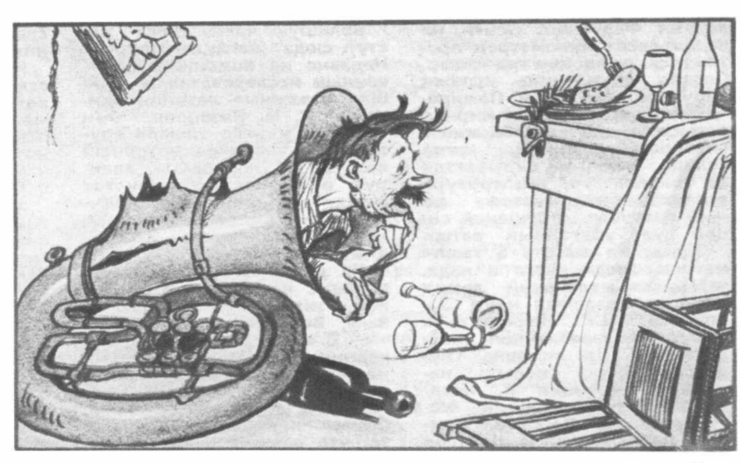
Рисунок Л. Бойко.

— Не думали, не гадали, что вы такие повырастаете!

Рисунок И. Александровича.

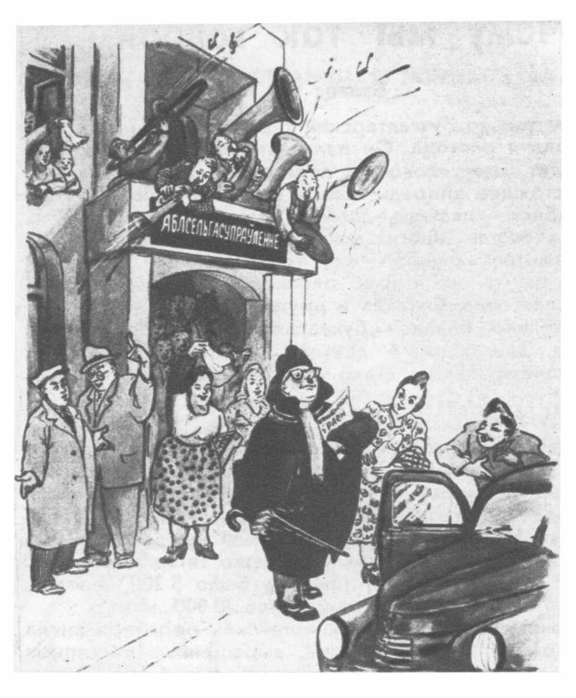

— Кажется, я вчера немного перебрал...

Рисунок В. Гливенко.

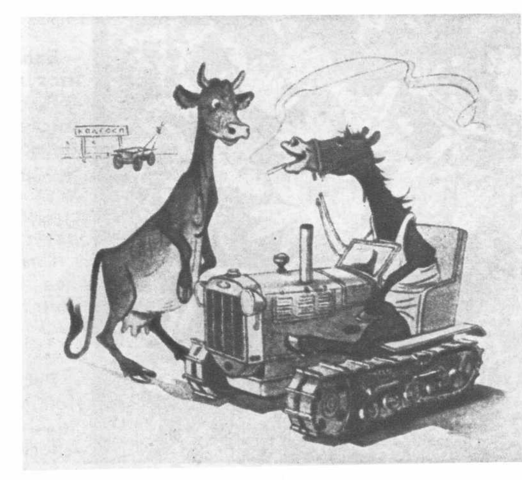

— В честь чего такое торжество?
— Аркадий Аркадьевич выезжает в район.

Рисунок Г. Громыко.

— Что это ты на трактор пересел?
— По специальности работы не дают.

Рисунок В. Григорьева

— Что тут такое?!
— Мы, мамочка, играем в соседей.

Рисунок В. Гливенко.

— Ну и соседи! Только начал с женой говорить, а они уже милицию вызвали.

Рисунок Н. Гурло.

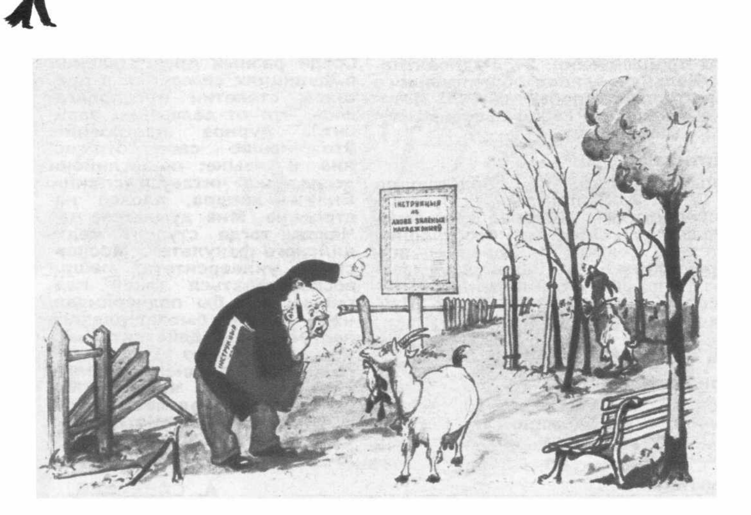
Без отрыва от телефона.

Рисунок А. Арутюнянца.

— Откуда такая чистенькая?
— Из соседнего колхоза.

Рисунок А. Волкова.

— Свинья ты, а не коза, мои резолюции не читаешь!

Рисунок Г. Громыко.

— До каких пор ты из меня соки будешь пить?!

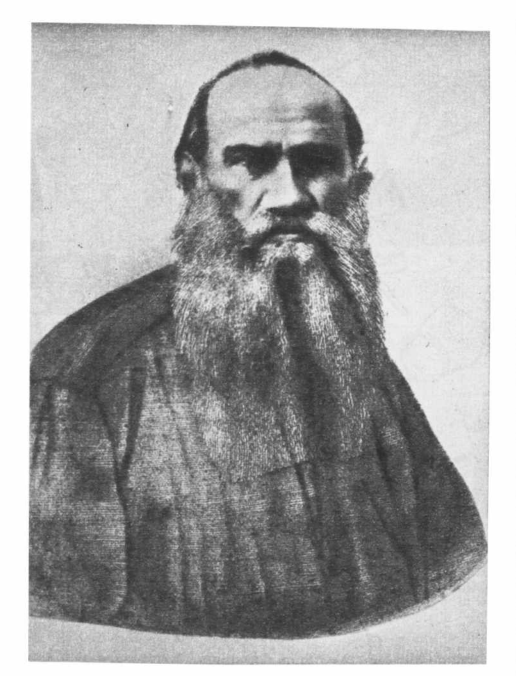
Рисунок А. Козюренко.

Охотничья шутка.

Рисунок В. Гливенко.

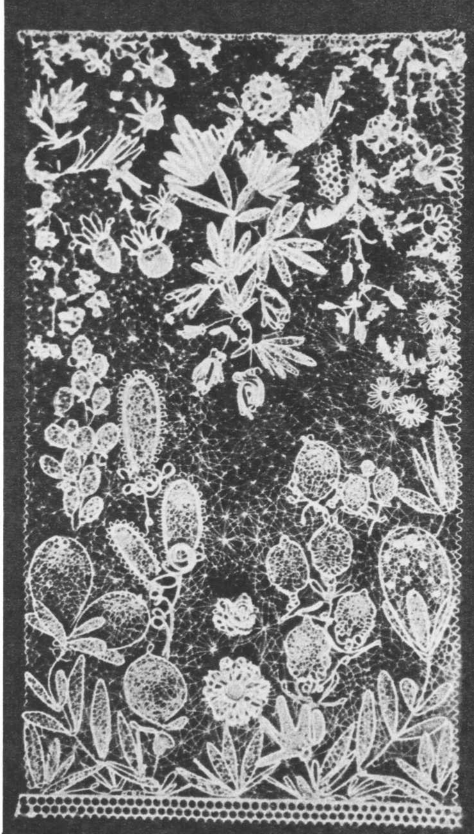
Страницы «Крейцеровой сонаты»

Работники Ачинского краеведческого музея приобрели у одного из жителей города любопытный портрет Льва Николаевича Толстого. Судя по подписи, портрет выполнен художником при жизни писателя, 58 лет назад, в Одессе. Каждый штрих на портрете, даже светотени состоят из рукописных строчек: бисерным почерком выписаны целые страницы из толстовской «Крейцеровой сонаты».

В левом углу портрета помечено: «Собственность издателя С. Б. Хазина. Одесса. Копировка будет преследоваться законом». В правом углу стоит: «Фототипия С. В. Кульженко. Киев».

Д. ИЛЬМЕНТЬЕВ

Ачинск.

КРУЖЕВА ИЗ ПРОВОЛОКИ

На снимке — работа В. Ф. Фомина из села Макарьева, Лысковского района, Горьковской области. Кружева из проволоки изготовлены им к областной выставке.

А. СУХОВ, художник районного Дома культуры.

Почему мы так говорим

Баланс

Баланс не только бухгалтерский термин — сравнительный итог прихода и расхода. Он означает вообще равновесие.

Происходит это слово от латинского ланкс — блюдо, миска. А стоящее впереди «ба» — это измененное (из латинского «бис» — дважды, двойной) международное «би», входящее в состав многих слов и означающее наличие двух предметов: бицепс — двуглавая мышца, биплан — самолет с двумя несущими плоскостями, бикарбонат — двууглекислая сода, бинокль и другие.

Следовательно, баланс — буквально значит две миски, два блюда, две чаши. А две чаши — это весы. Отсюда понятно, почему баланс стало означать равновесие.

Савраска

Русь издавна вела торговлю не только с Западной Европой, но и с восточными странами. Торговля эта достигала значительных размеров. В частности, на Русь пригонялось много лошадей. Летопись отмечает, что в 1474 году «пришел из орды Никифор Басенок с послом царевым Ахматовым Большой орды... а с ним множество татар пословых... а гостей с конями и иным товаром было 3 200 человек, а коней продажных было с ними более 40 000...»

В XVI веке только в Москву ногайская орда пригоняла ежегодно около 10 тысяч коней, выращенных в степных табунах; в иной год количество их увеличивалось вдвое. Естественно, при незнании языка в конской торговле вырабатывался особый русско-татарский жаргон.

Интересно, что в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина попадаются фразы и выражения на смешанном жаргоне из татарского, персидского, староузбекского и других языков, который Афанасий Никитин мог изучить в купеческой среде в городах Поволжья или уже во время «хождения» в Иране и Индии, где были купцы из Средней Азии.

Следы смешанного жаргона конской торговли сохранились у нас в названиях некоторых мастей лошади. «Чал» и в современном татарском языке значит седой, отсюда (пользуясь определением В. Даля) чалый конь — сивый с черным хвостом и гривой или темноватый с белесоватым хвостом. «Кара» по-татарски — черный, откуда караковая лошадь — вороная с подпалинами, каряя — черная с темно-бурым отливом. «Сары» — желтый. Поэтому саврасая лошадь, савраска — рыжеватая лошадь.

И. УРАЗОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Город-герой. 7. Молодежный журнал. 8. Быстрое движение. 9. Заключительная массовая сцена спектакля. 10. Выдающийся советский скульптор. 12. Полный круг вращения. 14. Человек, действующий с воодушевлением, подъемом. 15. Отечество. 17. Горная река в Грузии. 19. Герой гражданской войны. 20. Орудие лова рыбы. 22. Звено гусеницы трактора. 23. Форма музыкального произведения. 24. Радиоактивный химический элемент. 27. Большое здание общественного назначения. 28. Курорт на Черноморском побережье. 29. Летательный аппарат. 30. Лужайка в лесу. 32. Герой пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем». 33. Месяц года.

По вертикали:

1. Ускоритель заряженных частиц. 2. Родственница. 3. Горная страна на юге СССР. 5. Зачинатель. 6. Путешественник межпланетных пространств. 10. Минерал ярко-зеленого цвета. 11. Роман А. Толстого. 12. Смелость, бесстрашие. 13. Комсомолец, Герой Советского Союза. 16. Коренной житель. 17. Автотранспортное предприятие. 18. Офицерское звание. 21. Правительственная награда. 25. Автор картины «Зимний взят!». 26. Народный писатель Латвийской ССР. 31. Цветок. 32 Заслонка в заводских печах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

5. Воскресенский. 8. Комбинат. 9. Увертюра. 10. Асама. 12. Архар. 14. Саяны. 18. Маркиза. 19. Домино. 20. Робсон. 21. Лекснка. 22. Исток. 24. Пласт. 27. Таран. 28. Кантемир. 29. Бабочкин. 30. Хлебосольство.

По вертикали:

1. Истина. 2. «Вертер». 3. Чесуча. 4. Скирос. 6. «Комсомольская». 7. Трансформация. 11. Монисто. 13. Хакаска. 15. Алабама. 16. Смола. 17. Варан. 23. Клевер. 25. Лариса. 26. Соболь. 27. Трость.

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ СЕЛЕЗЕНКИ»

Известно, что в начале своей писательской деятельности А. П. Чехов некоторые свои рассказы подписывал «Человек без селезенки». Среди разных представлений о функциях селезенки в прошлом столетии предполагалось, что от селезенки зависит... дурное настроение. Это нашло свое отражение в языке: по-английски «селезенка» читается «сплин». Сплин — хандра, плохое настроение. Мне думается, что Чехов, тогда студент медицинского факультета Московского университета, решил воспользоваться такой подписью, как бы подчеркивая, что у него не бывает плохого настроения. Действительно, «Человеком без селезенки» подписаны легкие и веселые рассказы А. П. Чехова: «Мошенники поневоле», «Добрый знакомый», «Из дневника помощника бухгалтера» и другие произведения.

А. САВЕЛЬЕВ, студент-медик

Москва.

На вкладках этого номера репродукции картин П. Васильева «В. И. Ленин», Т. Яшаева «Нефтяники Каспия», Я. Серова «Как пройти в Смольный?» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

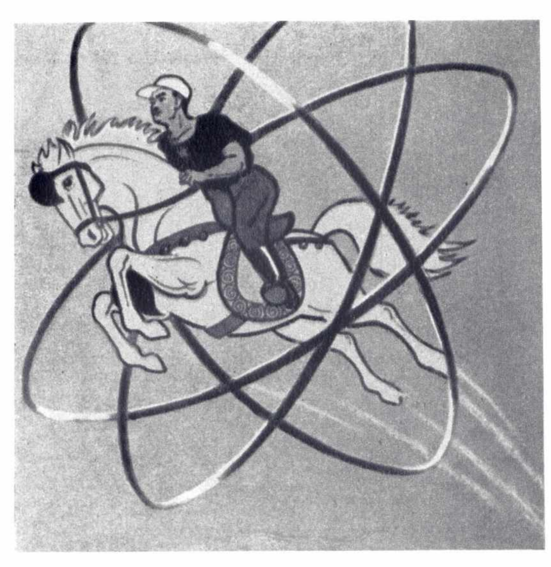
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05357. Подписано к печати 28/X 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 1069. Заказ 2456.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Китайский юмор

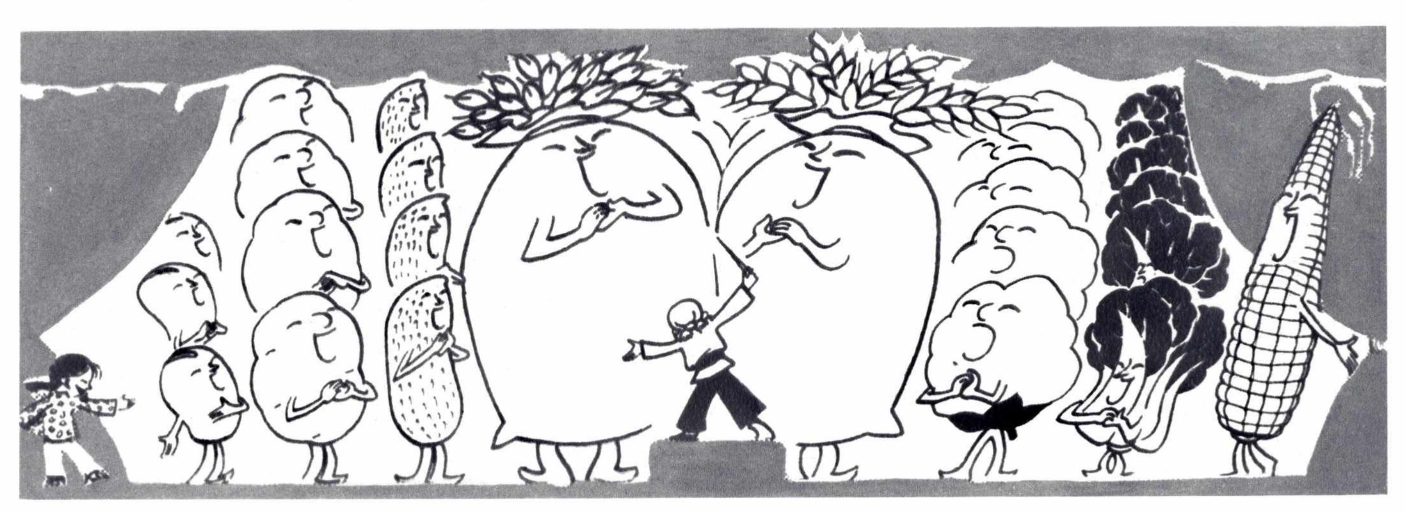
ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «МАНЬХУА» (КНР).

Скачок в атомный век!
Рисунок Ли Шоу-суна.

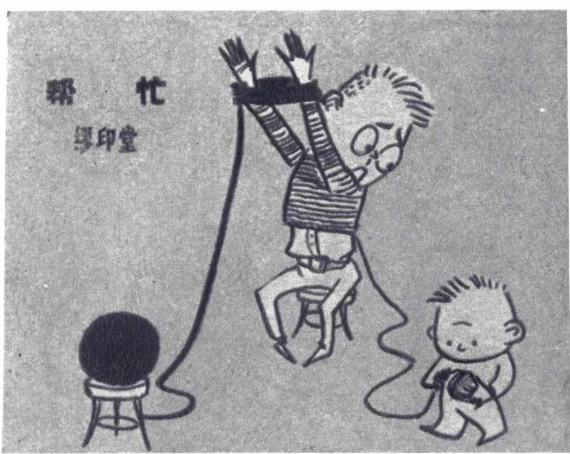
— Сколько стоят помидоры?
— Три фыня. И еще научишь меня писать три иероглифа.
Рисунок Дин У.

Исполняется песня о богатом урожае.
Рисунок Дин У.

У Китая железный кулак!
Рисунок рабочих-железнодорожников Хун Лоу-шуя (Шэньян) и Тань Юань-ли (Шанхай).

Помощник.
Рисунок Мяо Инь-тана.

— Почему ты не сказал об ошибке в его проекте?
— А вот главный инженер будет собирать рационализаторские предложения, я и скажу.
Рисунок Цзай Ляна.

Цена номера 3 руб.